

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

«Гражданское право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Гражданское право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Понятие и характерные черты исполнения договорных
обязательств»

Обучающийся

Д.Р. Казымова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

Кандидат юридических наук О.С. Лапшина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Понятие и юридическая природа исполнения договорных обязательств.....	12
1.1 Понятие исполнения договорных обязательств.....	12
1.2 Юридическая природа исполнения договорных обязательств...	26
Глава 2 Основные принципы надлежащего исполнения договорных обязательств.....	38
2.1 Принцип надлежащего исполнения обязательства.....	38
2.2 Принцип реального исполнения обязательства.....	50
2.3 Принципы экономичности исполнения и содействия сторон при исполнении обязательств.....	58
Глава 3. Условия надлежащего исполнения договорных обязательств.....	65
3.1 Надлежащий субъект исполнения договорного обязательства и исполнение обязательства надлежащему лицу.....	65
3.2 Иные условия надлежащего исполнения договорных обязательств.....	69
Заключение.....	81
Список используемой литературы и используемых источников.....	88

Введение

Тематика исследования, касающаяся понятия и характерных черт исполнения договорных обязательств, на сегодняшний день представляется особо актуальной. Гражданский оборот в целом построен на базовом постулате о том, что все договоры должны соблюдаться. В основе данного принципа лежит известная древнеримская концепция, охватываемая формулой «*Pacta sunt servanda*».

Заключая гражданский договор, стороны формируют модель поведения, своего рода план достижения цели договора, который отличается с учетом особенностей используемой формы договора. Своей реальное действие всякий договор приобретает только на этапе его исполнения (данный этап может как совпадать, так и не совпадать с этапом его заключения, например, в зависимости от принадлежности договора к категории реального или консенсуального). Поэтому этап исполнения договорного обязательства крайне важен в части обеспечения стабильности и упорядоченности отношений сторон и гражданского оборота в целом.

Несмотря на это, на сегодняшний день в отечественной науке нет единообразия представлений в части понимания правовой природы исполнения договора. Некоторые ученые находят основания для отождествления исполнения договорного обязательства со сделкой, усматривая на данном этапе выражение воли и волеизъявления сторонами. При некоторых определённых условиях исполнение договора может рассматриваться и как отдельная распорядительная сделка, сопутствующая обязательственному договору и обеспечивающая переход вещных прав на имущество [40, с. 272].

Встречаются и трактовки природы исполнения обязательства как юридического поступка – основания возникновения обязательства, или же в качестве фактического действия, не содержащего волевой элемент, что

служит основой отличий от сделки. Все названные подходы имеют под собой основания и требуют научного осмысления.

Наиболее дискуссионной представляется концепция распорядительной сделки как отдельного способа исполнения обязательства, отделенного от обязательства основного и существующего на основе принципа абстрактности. В рамках данного дискурса предусматривается существование двух сделок, опосредующих обязательственное правоотношение. Речь идет об основном обязательстве, где получают закрепление права и обязанности сторон, и распорядительной сделки, которая обеспечивает переход прав на имущество.

В аспекте распорядительной сделки представители российской правовой науки фактически поделились на два «лагеря». Некоторые ученые отказывают в существовании в российском праве института распорядительной сделки, абстрактной и отделенной от обязательственного соглашения, опосредующего отношения на этапе заключения договора [58, с.223]. Другие – всецело посвящают собственные исследования разработке концепции распорядительной сделки, последовательно аргументируя то, что такого рода сделки уже существуют и активно используются и рамках российской правовой системы [6, с. 12].

Представляется необходимым выработать авторскую позицию по поводу соотношения друг с другом понятий исполнения договорного обязательства и распорядительной сделки, а также распорядительной сделки и сделки обязательственной. Не менее важно проанализировать соответствующую эмпирическую практику на предмет восприятия российскими судами феномена распорядительных сделок, оценив практическую востребованность такого рода конструкции.

К тому же, различия в части обязательственных правоотношений обуславливают существование большого числа действий (или же бездействий), посредством которых возможно исполнение обязательства. Особенности исполнения обязательств нуждаются в осмыслении

применительно к реальным или консенсуальным договорам, с учетом из направленности, субъектного состава и пр.

В современном российском праве значительные изменения затронули принципы исполнения обязательства. В отличие от прежней абсолютизации принципа реального исполнения обязательства, существовавшей в рамках административно-плановой экономики СССР, сегодня мы наблюдаем осторожный отказ от данной концепции. Одним из основных способов защиты нарушенных гражданских прав стало возмещение убытков. В ч. 2 ст. 396 ГК РФ предусмотрено, что «возмещение убытков в случае неисполнения обязательства и уплата неустойки за его неисполнение освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором» [8]. Предстоит также ответить на вопрос о том, как соотносится подобное регулирование с принципом надлежащего исполнения обязательств.

Сущность относительного правоотношения, составляющая его отличие от абсолютного, состоит в том, что круг его участников определен и известен, а доступ посторонних лиц к частным отношениям, по общему правилу, не предполагается. Этот признак лежит в основе отличий относительного правоотношения от абсолютного, ключевым свойством которого, напротив, выступает неопределенный субъектный состав. Особенности последних заключаются в наличии определенных обязательств в отношении носителя права. Именно поэтому в рамках относительных правоотношений, вмешательство третьего лица в процесс исполнения обязательства является исключительным случаем, для которого нужны достаточные основания.

Исходя из этого, в рамках настоящего исследования, нужно дать оценку основаниям, порядку и ответственности третьих лиц в рамках исполнения обязательства. Здесь остро встает вопрос в части юридической природы возложения как основания выполнения третьим лицом обязанности перед кредитором. Вопрос о каузе принятия возложения может приобрести

серьезное практическое значение не только для определения последствий исполнения в отношениях между должником и третьим лицом, но и для оспаривания действий по исполнению в банкротстве.

Отдельного рассмотрения требует вопрос по поводу возможности исполнения третьим лицом по просроченному денежному обязательству. В силу законодательства, кредитор обязан принять такое исполнение от третьего лица при наличии просрочки. Это упростило процедуру интеграции третьего лица в обязательственные отношения при исполнении обязательства, являясь, на первый взгляд выгодным для всех его участников.

Однако подобные изменения привели одновременно к тому, что исполнение обязательства третьим лицом в случае просрочки фактически трансформировалось в упрощенный и не урегулированный законом механизм принудительного выкупа денежных требований. Исходя из этого, нуждаются в разработки инструменты ограничения применения такого механизма, для цели недопущения сторонних лиц в частные отношения.

Вышеизложенные обстоятельства актуализируют тематику настоящего исследования.

Цель диссертационного исследования связана с выработкой комплексных научных представлений по поводу исполнения договорных обязательств. Задачи исследования:

- выявить понятие исполнения договорных обязательств;
- рассмотреть юридическую природу исполнения договорных обязательств;
- выработать представления в части особенностей сущности и содержания принципа надлежащего исполнения обязательства;
- дать оценку принципу реального исполнения обязательства;
- охарактеризовать принципы экономичности исполнения и содействия сторон;
- рассмотреть вопрос о надлежащем субъекте исполнения договорного обязательства и исполнении обязательства надлежащему лицу;

– выявить прочие условия надлежащего исполнения договорных обязательств.

Объект диссертационного исследования составили правоотношения, связанные с исполнением договорных обязательств. Предметом выступили нормативные и доктринальные положения, эмпирические материалы, законопроекты, зарубежная литература, с учетом проблематики исследования.

Нормативно-правовая база исследования состоит из Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Федеральных законов.

Степень научной разработанности.

Общеконцептуальным вопросам, касающимся договорного обязательства, его сущности и содержания, были посвящены работы М.А. Астахова, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, О.С. Иоффе, Л.А. Лунца, С.Н. Мызрова, И.Б. Новицкого, Б.Б. Черепахина. Вопросам исполнения договорных обязательств в той или иной степени посвящены труды многих цивилистов.

Среди зарубежных авторов общие вопросы относительно сделок и их исполнения разрабатывались Ф.К. фон Савиньи. Автор в своих работах свел Концепция распорядительной сделки, в том числе выделение в его основе принципа абстракции, была затронута в работе таких современных немецких

Вопрос исполнения договорных обязательств был рассмотрен и в работах профессора Э. Беккера, который в рамках своего исследования предпринял попытку разграничить договор и волеизъявление, выраженное во вне, лежащее в основе сделки, но не поглощающее ее содержание в полном

Особое внимание к вопросам распорядительных сделок имело место в рамках немецкой правовой науки.

Например, некоторые ученые разрабатывали концепцию абстрактности распорядительной сделки как ее неотъемлемого условия Н. Wieling приводил

аргументы в части принципа разделения договора, имеющего вещную природу и обязательственной сделки, предусматривая разделение акта распоряжения и обязательства, которое лежит в его основе. Переход прав же, по мнению автора, производился на основе традиции, в то время как правовую роль действительность договора купли продажи не играла [71].

Концепция вещного договора или же распорядительной сделка была и остается предметом особого научного интереса Л.Ю. Василевской [6, с. 12]. В числе последних исследований, связанных с обнаружением места договора как отдельного (но не единственного) инструмента автономного гражданско-правового регулирования, можно отметить диссертационное исследование В.В. Груздева «Автономное гражданско-правовое регулирование» [11, с. 122]. Принципу реального исполнения обязательства были посвящены работы таких авторов, как Р.С. Бевзенко, А.В. Егорова, В.В. Кулакова.

Методологическая основа исследования. В настоящем исследовании использованы как общенаучные методы и подходы (диалектический, системный, генетический, исторический), так и специально - юридические (догматический, технико-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в том, что данная магистерская диссертация представляет собой комплексное исследование проблематики, касающейся исполнения договорных обязательств, в котором автором предпринята попытка выявить юридическую природу и сущность договоров, а также выявить основные принципы, лежащие в основе данного института, сделав выводы, касающиеся характера их соотношения друг с другом.

По результатам проведенного исследования сформулированы следующие положения, выносимые на защиту:

- доказано, что исполнение договорных обязательств является отдельным этапом развития обязательственного правоотношения сторон. В отношении некоторых обстоятельств возможно одновременное заключение и исполнение сделки, что верно для категорий реальных договоров. Для

консенсуальных договоров требуется необходимо выделение отдельной стадии исполнения заключенного обязательства, которое надлежит осуществлять в соответствии с условиями соглашения и положениями законодательства об исполнении обязательства, а также условия исполнения обязательства могут вытекать из самого существа обязательства или обычаев делового оборота;

- сформулировано понятие исполнения договорных обязательств как особой разновидности юридически значимой деятельности, которая осуществляется сторонами в рамках обязательственного относительного правоотношения, и находит выражение в совершении положительных действий или иногда в воздержании от совершения действий;

- выявлена правовая природа смарт-контракта как способа исполнения обязательства и предложено определение его понятия «как сделки, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий;

- доказано, что исполнение обязательства с фактической точки зрения охватывается осуществлением действий в соответствии с условиями обязательства. Однако такого рода действия в рамках концепции юридических фактов, зависит от конкретного договора, в части которого имеет место исполнение, носят разнородный характер.

Можно сделать вывод о том, что исполнение обязательства может заключаться в выполнении разнородных по правовой природе действий, являющихся как юридическими актами, так и юридическими поступками;

- разработано понятие распорядительного договора как сделки, направленной на возникновение вещно-правовых последствий, связанных с переходом абсолютных прав на тот или иной объект, являющийся предметом соответствующей обязательственной сделки;

- предложены критерии для разграничения между собой принципов надлежащего и реального исполнения обязательства. Принцип надлежащего исполнения обязательства носит общий характер,

распространяясь на случаи нормального течения событий, а также и на ситуации возникающих нарушений. Что касается принципа реального исполнения обязательств, то он получает практическое применение только в случае нарушений в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, когда кредитор имеет право требовать исполнения в натуре или заявлять требования о компенсации понесённых убытков;

доказано, что место расположения в тексте законодательного акта институт астрента как дополнительного инструмента обеспечения реального исполнения обязательства, не соответствует его юридической природе. Поэтому, как представляется, институт астрента надлежит урегулировать в гл. 25 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение обязательств;

- предлагается унифицировать правила исполнения обязательства в натуре, сведя п. 1 и п. 2 ст. 396 ГК РФ к единому положению следующего содержания: «Возмещение убытков и уплата неустойки в случае нарушения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, предусмотренных законом или договором, либо когда из характера возмещенных убытков и уплаченной неустойки явствует намерение сторон прекратить обязательство»;

- разработаны критерии недопустимости исполнения обязательства третьим лицом. При отсутствии возложения со стороны должника, надлежит устанавливать законный интерес третьего лица и соизмерять его с интересами должника и кредитора.

Отсутствие всякого законного интереса исключает доступ постороннего субъекта – третьего лица, к исполнению обязательства за должника. При выявлении признаков недобросовестного поведения, злоупотребления правами третьим лицом, представляется, что он не имеет права на привлечение к обязательству для его исполнения;

- предлагается уточнить основания для возложения ответственности на третьего лица в случае исполнения им обязанности должника, изложив п. 6 ст. 313 ГК РФ в следующей редакции: «6. Если третье

лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника, за исключением случаев, когда исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо, если иное не установлено законом».

Апробация результатов исследования. По материалам магистерской диссертации автором была подготовлена и опубликована научная статья: Казымова, Д.Р. К вопросу о перспективах принципа реального исполнения обязательства / Д.Р. Казымова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2025. — № 12 (563). — С. 106-108.

В данной статье отражаются понятие и принципы реального исполнения обязательства.

Структура магистерской диссертации соответствует цели и задачам исследования, включая введение, три главы, которые делятся на семь параграфов по числу задач, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и юридическая природа исполнения договорных обязательств

1.1 Понятие исполнения договорных обязательств

Отвечающий требованиям законности договор лежит в основе правового механизма, позволяющего реализовывать интерес субъекта к достижению интересующего его правового результата совместно с интересом контрагента, в условиях отсутствия нарушений в части прав иных членов общества.

Для начала, следует рассмотреть, что такое договор и как он соотносится с понятием обязательства. Понятие обязательства определено в ст. 307 ГК РФ: «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности»

Одним из оснований возникновения обязательства является договор. В ст. 307.1 ГК РФ указывается, что «к обязательствам, возникшим из договора (договорным обязательствам), общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в настоящем Кодексе и иных законах, а при отсутствии таких специальных правил - общими положениями о договоре» [8].

Но в науке встречаются различные трактовки по поводу договора как основания возникновения обязательства.

Широкая концепция гражданско-правового договора предлагается В.А. Беловым. Договор включает основанные на законе и свободном

волеизъявлении участников условия, представленные в формате правового документа [2, с. 22].

Зачастую, раскрывая понятие договора, ученые обращают внимание на его характеристики как юридического факта (сделки), обстоятельства, порождающего, изменяющего, прекращающего особые правоотношения (обязательства), которые лежат в основе концепции договора как основания возникновения правоотношений [18, с. 222].

Нет оснований отрицать, что гражданский договор представляет собой комплексное и многоаспектное понятие, которое может рассматриваться с нескольких позиций: и как документ, как правоотношения, как правомерные действия, сделки. Договор является важнейшим элементом в механизме гражданско-правового регулирования, основанием возникновения обязательственного правоотношения, законным средством удовлетворения позитивных интересов участников гражданских правоотношений. Субъектный состав участников договорных отношений разнообразен. Именно договор является основой регулирования частноправовых отношений субъектов на основе свободы и автономии воли.

Тем самым, в основе возникновения обязательственного правоотношения лежит, чаще всего, именно договор. Будучи одним из оснований возникновения обязательств, он опосредует динамику правоотношений, являясь инструментом реализации правовых целей его участников.

В Гражданском кодексе РФ понятие договора приведено в п. 1 ст. 420 ГК РФ: «Договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей».

Законодатель касается вопроса о соотношении договора и обязательств в ч. 3 ст. 420 ГК РФ, закрепляя, что «к обязательствам, возникшим из договора, применяются общие положения об обязательствах (ст. 307 - 419 ГК

РФ), если иное не предусмотрено правилами настоящей главы и правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в настоящем Кодексе» [8].

Терминологически понятия обязательства и договора также прослеживают близость друг с другом, причем эта близость имела место на прежних этапах развития права. Например, уже в праве Древнего Рима использовалось понятие «contractus», происхождение которого можно найти от латинского термина «contrahere», что в переводе на русский звучит как «стягивать». Синонимом к термину «контракт» в римском праве был глагол «obligare», который также переводится как обязательство. Поэтому долгое время в римском праве разграничение между договорами и обязательствами было достаточно условным [4, с. 245].

Несколько позже термин «договор» стал наделяться отличительными чертами и характеристиками, при сохранении, однако, существенной близости с термином «обязательство». Понятия контракт и договор стали отождествляться друг с другом (как это сохранилось в современном российском праве), а в качестве и того, и другого, рассматривались базирующиеся на свободной воле сторон обязательства, возникающее в силу соглашения сторон и пользующегося исковой защитой. Тем самым, обязательство стало рассматриваться как результат заключения договора, его прямое следствие и результат, на которой он направлен. Речь идет о том, что достигнутая и оформленная в соглашении договорённость приводила к формированию обязательственной относительно юридической связи между сторонами, в рамках которой права одной стороны исполнялись за счет действий (бездействия) другого участника правоотношения.

Уже на том этапе законодатель уделял особое внимание вопросу об исполнении договора, требуя: «как один с другим договаривался, так оно и должно иметь силу» [19, с. 117]. Тем самым, без достаточных оснований лицо не вправе отступить от достигнутой договоренности, а чтобы признать такое отступление правомерным, у лица должны быть определенные «извинительные» основания, установленные законом или договором.

Например, характеризуя Свод Законов в «Курсе гражданского права», Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что «...договор направлен к установлению обязательственного отношения. Однако область договора выходит за пределы обязательственных отношений, как в свою очередь и обязательства могут иметь в своем основании не договор, а другой юридический факт, правонарушение, неосновательное обогащение» [28, с. 24].

Нередко в части договора усматривалась его направленность на создание обязательственной связи. В таком случае, учёные приходили к выводу о том, что договор регулирует сонаправленное волеизъявление нескольких участников, имеющих намерение создать интересующие их в качестве результата договора правовые последствия для себя или прочих лиц. В силу такого подхода вопрос о соотношении обязательства и договора предполагал их оценку как следствия и причины. Содержание контракта сводилось к правовому последствию, достигнуть которого стремились участники в результате реализации своей свободной воли [50, с. 218]. Тем самым, договор используется как юридический инструмент, призванный сформировать обязательственную взаимосвязь между сторонами.

Такой известный цивилист, как К.П. Победоносцев, также находил сходство между договором и обязательством, отмечая, что в основе первого лежит свободное волеизъявление сторон, направленное на упорядочивание общественных отношений для достижения правового результата в соответствие с направленностью сделки, посредством возложения на стороны обязательства. С точки зрения данного автора, в основе договора лежит юридическая связь, обеспечивающая формирование обязательственного правоотношения между сторонами договора [42, с. 2].

С позиции Д.И. Мейера, сущность договора определяется соглашением воли двух или нескольких лиц, опосредующего право одного в отношении другого на основе интереса, носящего имущественный характер. Правоотношения сторон договора формируются и регулируются договором, за счет и на основе которого создается обязательство, предполагающее

осуществление сторонами субъективных прав, в том числе, путем восполнения регулирования в сферах неурегулированных правом или возможных для диспозитивного регулирования сторонами [29, с. 157].

В целом, для современного права характерным является подход, в рамках которого содержание договора представляет собой совокупность условий, по которым сторонами договора достигнуто соглашения, и которые регулируют права и обязанностей контрагентов [4, с. 245].

Договор в зависимости от позиции конкретного ученого может пониматься и как основание возникновения правоотношений, и как юридический факт, и как документ, опосредующий отношения сторон. Его результатом выступает связанность сторон договора обязательственным правоотношением.

В основе договора по смыслу п. 1 ст. 420 ГК РФ лежат:

- согласованные действия сторон;
- целенаправленные волеизъявления;
- направленности воли и волеизъявления на создание или изменение гражданских прав и обязанностей сторон.

Понятие обязательства приводится в ст. 307 ГК РФ и предполагает некую обязанность в части действия или же бездействия, подкрепленную правом кредитора требовать исполнения такой обязанности. Согласно п. 2 той же статьи, возникают обязательства из таких оснований, как договоры и прочие сделки, причинение вреда, неосновательное обогащение и пр.

Как представляется, договор служит основной формой возникновения обязательства, а его заключение есть правомерное действие, направленные на достижение презюмируемого согласованного сторонами результата.

Договорные условия опосредуют презюмируемый результат (цель) соглашения, содержание действий индивидов, а также порядок выполнения действий. Здесь наиболее яркое выражение получает регулятивная функция договора, потенциал его использования как средства самоорганизации отношений сторон путем формирования обязательственной связи на основе

положений закона, но восполняя и дополняя последние в допускаемых ими же границах. Это позволяет рассматривать договор как инструмент регламентации взаимодействия сторон в целях формирования правоотношения, направленного на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей и служащего достижению определенного экономического (имущественного) результата.

Полагаем, что в основе обязательств лежит именно договор. В силу п. 3 ст. 420 ГК РФ к договорам применяются общие положения об обязательствах, если нет особого регулирования или ограничений на этот счет. В основе договора лежит совпадающее волеизъявление участников, направленное на установление либо изменение или прекращение определенных прав и обязанностей. Договор выступает в роли правового факта - основания возникновения обязательственных правоотношений (п. 2 ст. 307 ГК РФ). Поэтому любая сделка с участием более чем одной стороны именуется договором (п. 1 ст. 154 ГК РФ), а к ней применимы общие требования к сделкам (п. 2 ст. 420 ГК РФ).

Таким образом, стороны, используя такой инструмент, как договор, приспособливают абстрактное право к конкретным общественным отношениям, обеспечивая требуемый индивидуализм правового регулирования, и тем обеспечивая сбалансированный характер интересов. Договор формирует юридическую связь между сторонами, делая стороны обязанными в отношении друг друга – создавая обязательственное правоотношение. Поэтому договор, будучи сделкой, имеет своим результатом возникшее на его основе договорное обязательство.

Однако, полагаем, что сводить обязательства только к договору будет не верным. Это связано не только с существованием внедоговорных обязательств, но и с тем, что, как представляется договор, будучи основанием возникновения обязательства, само обязательство собой не поглощает.

Продолжая дальнейшие рассуждения, необходимо определить понятие и выявить особенности исполнения договорных обязательств.

Исполнение договора является наиболее распространённым следствием и итогом его заключения. В сфере гражданского оборота действует принцип стабильности договора. Отказ от исполнения договора является экстраординарной ситуацией, и по общему правилу, допускается только с согласия его сторон. Это означает, что в большинстве случаев договор прекращается его исполнением. А исполнение, в свою очередь, выступает ожидаемым результатом от заключения договора [39, с. 10]. Стороны, действуя добросовестно, при заключении договора, рассчитывают на то, что достигнутые договоренности будут исполнены.

В современном гражданском праве не сложилось единообразных представлений ни в отношении понятия исполнения договора, ни в части способов исполнения. Да и сам по себе этот вопрос является достаточно сложным, поскольку, говоря об исполнении договора, предполагается выделение дополнительной стадии течения обязательственного правоотношения, на которой достигнутая договоренность получает свою реализацию. И здесь имеются определенные особенности исходя из того, является ли договор консенсуальным или же относится к категории реальных.

Как известно, консенсуальный договор признается заключенным с момента достижения соглашения по существенным условиям (выделяется еще этап вступления договора в силу, но он чаще всего совпадает с его заключением) [2, с. 22]. За его заключением следует отдельный этап исполнения фактической договорённости. То есть для того, чтобы сделка была признана исполненной, требуется утверждение условий договора в рамках отдельного волеизъявления сторон, после чего сделка признается совершенной. На этом этапе, соответственно, возможны различные вариации, в том числе связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением уже действующего соглашения и использованием инструментов понуждения стороны к исполнению. Это означает, что степень гарантированности прав и

интересов сторон заметно ниже, чем существующая в рамках реального договора.

Применительно к реальным договорам, договор заключается и исполняется одномоментно, так как соглашение признается достигнутым только после фактической передачи вещи. Передача имущества дополняет этап заключения, а после признания его заключенным, он является исполненным.

Выбор юридической конструкции в пользу той или иной договорной модели делает законодатель, в связи с чем стороны не вправе отступить от установленных законом требований в части момента признания соглашения заключенным. Если законодатель допускает существование договора и как реального, и консенсуального, то соответствующий выбор делается уже сторонами.

Так, договор дарения может быть реальным и консенсуальным. Профессор М.И. Брагинский отождествляет договор дарения, который является реальным, с вещным договором, признаком которого, по его мнению, выступает тот факт, что до момента его заключения стороны не связаны ни правами, ни обязанностями (договор отсутствует), а после заключения – отношения одномоментно исчерпываются, так как договор исполняется сразу же [4, с. 245].

Применительно к договору займа (ст. 807 ГК РФ), договор также может предполагаться как реальным, так и консенсуальным, за исключением случаев, «если займодавцем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу» [9].

Тем самым, существуют особенности исполнения договора, обусловленные его реальной или консенсуальной природой: если в рамках реальной сделки действие требуется на этапе ее заключения (то есть заключение и исполнение имеет место одномоментно), то в консенсуальной

сделке этап исполнения договора составляет его отдельную, обособленную от заключения стадию.

Гражданский законодатель использует терминологию исполнения обязательства, не раскрывая, при этом, соответствующее понятие по тексту ГК РФ не приводится. Глава 22 ГК РФ, посвященная исполнению обязательств, регулирует срок, место исполнения обязательств, валюту исполнения и прочие условия, соблюдение которых необходимо для признания обязательства надлежащим образом исполненного. В свою очередь, нарушение установленных требований влечет ответственность за неисполнение обязательства, которая урегулирована в гл. 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательства».

Ст. 309 ГК РФ, например, устанавливает общие положения в отношении исполнения обязательств, закрепляя, что «обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований - в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями».

С точки зрения русского языка, исполнение есть осуществление чего бы то ни было, осуществление неких заранее согласованных действий. По мнению С.Б. Сарбаша, если руководствоваться легальным определением понятия «обязательства», можно прийти к выводу о том, что исполнение обязательства есть следование программы действий сторон [56, с. 222].

Заключая договор, стороны преследуют цель на исполнение обязательства: если же ими движет некое иное целеполагание, то речь может идти о мнимой или притворной сделке, но не об обязательстве, не имеющим дефектов. Исполнение обязательства приводит к его прекращению, а неисполнение или ненадлежащее исполнение есть отступление от нормального хода развития правоотношений, что влечет ответственность.

По общему правилу, всякая сделка стремится к ее исполнению, что исключает односторонний отказ от исполнения обязательства (ст. 310 ГК

РФ). Законодатель обращает внимание на обеспечение баланса прав и интересов участников обязательственного правоотношения, закрепляя правило о том, что «в случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне».

Невыполнение данных требований может служить основанием для признания недопустимыми и нарушающими права стороны сделки действий по ненадлежащему исполнению соглашения, например, связанному с повышением стоимости товара, что широко распространено, в частности, по спорам о защите прав потребителей [31].

Но кроме целенаправленных, волевых действий, обязательство может быть исполнено в автоматизированном порядке в соответствии с абз. 2 ст. 309 ГК РФ, что является особым форматом исполнения договорных обязательств, сопутствующих развитию цифрового общества [64].

Что касается широко распространившихся на сегодняшний день смарт-контрактов, в отношении последних процедура их исполнения разительно отличается от классических сделок.

В абз. 2 ст. 309 ГК РФ указано, что «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [8].

Речь идет о смарт-контракте как особом способе исполнения сделки, которые получили в науке наименование само исполняемых сделок [23, с. 229].

Процедура исполнения таких сделок кардинально отличается от всех прочих, так как смарт – контракт может быть заключен только с использованием технологии blockchain.

Речь идет о так называемых смарт-контрактах, которые иначе именуются в науке самоисполняемыми сделками. Это означает, что этап исполнения в рамках таких сделок, будучи всецело построенным на основе технологии распределенного реестра, по таким категориям не выделяется. Остановимся на вопросе об особенностях исполнения в рамках данных типов договоров.

Для смарт-контрактов характерным является и повышенный уровень безопасности и защищенности передаваемых сведений, так как они основаны на шифровании и распределенной системе хранения информации. Применение инструмента между хозяйствующими субъектами также дает возможность минимизировать расходы на проведение и контроль сделок.

Однако нормативно-правовое регулирование правового института самоисполняемых сделок на сегодняшний день можно охарактеризовать как недостаточное. Четкость и исчерпывающий характер правового регулирования является необходимым условием для обеспечения высокой степени гарантированности для сторон, участвующих в таких сделках. Это помогает предотвратить возможные споры и конфликты и обеспечить правовую защиту интересов сторон. В рамках же смарт-контрактов, воля, направленная на заключение договора, одновременно опосредует и волю, направленную на исполнение возникшего из договора обязательства.

В правовой науке также не сложилось единых подходов по поводу понятия, сущности и правовой природы самоисполняемых сделок. Выдвигаются различные подходы, в основе которых лежат авторские точки

зрения. На основе анализа доктринальных разработок, можно систематизировать научные представления следующим образом:

- смарт-контракт как компьютерный код;
- смарт-контракт как способ исполнения обязательства (алгоритм);
- смарт-контракт как договор;
- комплексный подход к определению этого понятия.

Автор термина «смарт-контракт» Ник Сабо определял его как транзакционный протокол (код), позволяющий реализовать исполнение условий договора.

Другая точка зрения – смарт-контракт является способом исполнения обязательств, но не отдельным договором. Смарт-контракт позволяет выполнить заранее указанные условия (алгоритмы) [60, с. 95]. Назначение смарт-контракта, таким образом, состоит в автоматизации процесса исполнения соглашений. В этой связи, чаще всего ученые, занимающиеся изучением вопросов о смарт-контрактах, отмечают, что такого типа договоры основываются на схеме «если... то», «if... then».

Отдельное существование смарт-контракта исключается – программа выполняет сопровождение реализации договора, который стороны заключили в реальном мире [14, с. 235].

Другая точка зрения – смарт-контракт является гражданско-правовым договором. К примеру, по мнению А.И. Савельева, суть смарт-контракта составляет его оценка в качестве договора, опосредованного программным кодом на ресурсе блокчейн. Его целью является обеспечение автономности и самоисполнимости условий такого соглашения. Ученый аргументирует свою позицию положениями ГК РФ о понятии договора.

По мнению А.И. Савельева, смарт-контракты в полной мере отвечают этому определению:

- перемещение определенных ценностей от одних лиц к другим опосредовано использованием смарт-контрактов, в связи с чем, они опосредуют экономические отношения;

– выражение воли пользователя на участие в применении смарт-контракта осуществляется определенным способом. Пользователь дает соответствующее распоряжение. Его условия доступны всем контрагентам. С точки зрения же цивилистической науки, субъект, действуя своей волей и в своем интересе, присоединяется к договору в формате реализации определенных заранее согласованных действий;

– после присоединения сторона смарт-контракта будет связана условиями такого соглашения, хотя характер такой связи существенно отличается от того, который предусмотрен в традиционных соглашениях.

Как представляется, в большей степени природе самоисполняемой сделки соответствует представление о ней как об основанном на системе распределенного доступа (блокчейна) инструменте автоматизированного исполнения договора. Вследствие «наложения» смарт-контракта на традиционный договор, происходит автоматизация процессов за счет их перевода в цифровую защищенную среду исполнения обязательства. Отдельное существование смарт-контракта исключается – программа выполняет сопровождение реализации договора, который стороны заключили в реальном мире. Тем самым, предлагается свести роль смарт-контракта к исполнению обязательств по договору.

Понятие смарт-контракта в российском праве отсутствует, хотя оно и необходимо. Полагаем, для устранения правовой неопределенности требуется закрепить термин «автоматизированный (самоисполняемый) договор» в российском законодательстве. Полагаем, что данный термин может быть определён как сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий.

Тем самым, договор служит основной формой возникновения обязательства, а его заключение есть правомерное действие, направленное на достижение презюмируемого согласованного сторонами результата. Договорное обязательство содержит права и обязанности контрагентов, по которым достигнуто соглашение сторон. Договорные условия опосредуют

презюмируемый результат (цель) соглашения, содержание действий индивидов, а также порядок выполнения действий.

Договорные условия опосредуют презюмируемый результат (цель) соглашения, содержание действий индивидов, а также порядок выполнения действий. На данном этапе наиболее яркое выражение получает регулятивная функция договора, потенциал его использования как средства самоорганизации отношений сторон путем формирования обязательственной связи на основе положений закона, но восполняя и дополняя последние в допускаемых ими же границах. Это позволяет рассматривать договор как инструмент регламентации взаимодействия сторон в целях формирования правоотношения, направленного на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей и служащего достижению определенного экономического (имущественного) результата. Полагаем, что в основе обязательств лежит именно договор. Несмотря на то, что существуют и внедоговорные обязательства, они представляют собой изъятия из нормального течения правоотношений сторон.

Исполнение договорных обязательств является отдельным этапом развития обязательственного правоотношения сторон. При некоторых обстоятельствах возможно одновременное заключение и исполнение сделки, что верно для всех категорий реальных договоров. В иных случаях необходимо выделение отдельной стадии исполнения заключенного обязательства, которое надлежит осуществлять в соответствии с условиями договорами и положениями законодательства об исполнении обязательства, а также условиях исполнения обязательства могут вытекать из самого существа обязательства или обычаев делового оборота.

Сформулировано понятие исполнения договорных обязательств как особой разновидности юридически значимой деятельности, которая осуществляется сторонами в рамках обязательственного правоотношения, и находит выражение в совершении положительных действий, но иногда в воздержании от совершения каких-либо действий.

Что касается широко распространившихся на сегодняшний день смарт-контрактов, доказано, что в отношении последних процедура их исполнения разительно отличается от классических сделок.

Будучи самоисполняемой сделкой, в рамках такого контракта происходит объединение двух феноменов – электронного договора и отдельного способа исполнения обязательства, не требующего участия человека и отдельного его волеизъявления в части исполнения. С точки зрения правовой природы смарт-контракта, он представляет собой способ исполнению обязательств по договору. Понятие смарт-контракта в российском праве отсутствует, хотя оно и необходимо. Полагаем, для устранения правовой неопределенности требуется закрепить термин «автоматизированный (самоисполняемый) договор» в российском законодательстве. Полагаем, что данный термин может быть определён как сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий.

Юридическая природа исполнения договорных обязательств

Вопрос относительно юридической природы исполнения договорного обязательства является сложным и неоднозначным, а его решение во многом зависит от сложившихся в той или иной юрисдикции научных подходов и практических представлений. Договорные обязательства в части их исполнения могут рассматриваться как самостоятельные отличные от основного договора сделки, в части природы и юридических признаков которых также ведется дискуссия в науке. Еще такой известный советский ученый О.С. Иоффе отмечал, что обязательства заключаются для цели быть исполненными [20, с. 43].

Вопрос о природе исполнения обязательства неоднократно поднимался как в науке, так и в судебной практике. Например, Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), в Определении от 24.02.2005 г. № 95-О сформулировал

вывод, что в рамках спора об отнесении к сделкам действий участников гражданского оборота, в том числе осуществляемых в целях исполнения обязательств, правоприменитель дает юридическую оценку таких действий, реализуя собственные дискреционные полномочия [35]. Тем самым, оценка правовой сущности действию по исполнению обязательств зависит и от судебного усмотрения.

В силу представлений некоторых ученых, при совпадении воли и волеизъявления сторон обязательства и реализация таковых, действия по исполнению надлежит рассматривать в качестве двусторонней сделки. Но здесь возникает уже вопрос о том, как такого рода сделка будет соотноситься с договором, который исполняется. Предполагается существование двух различных сделок, одна из которых направлена на формирование договорного обязательства, а вторая – на его исполнение.

Тогда следует дать ответ на вопрос о том, будет ли сделка по исполнению обязательства обладать самостоятельной юридической природой или выступать в качестве элемента основного договора, его отдельной стадии, будучи, например, фактическим действием, связанным с его исполнением.

В германском праве предлагается интересное решение по данному вопросу, которое достаточно активно обсуждается отечественными цивилистами [58, с. 225]. Речь идет о выделении двух типов сделок - обязательственных (которые, соответственно, порождают последствия в виде возникновения обязательства, определяя права и обязанности участников сделки) и распорядительных, на основе которых, собственно, и осуществляется перенос права, а значит, и непосредственное исполнение договорного обязательства.

Иначе соответствующая концепция именуется как основанная на «принципе разделения» конкретной обязательственной сделки, преследующей предусмотренный хозяйственный результат; и сделки абстрактной, отделенной от обязательственной, и направленной на

достижение эффекта в виде перехода вещных прав в отношении предмета сделки. В зависимости от ее восприятия тем или иным ученым, делается вывод о возможности оценки исполнения договора как отдельной самостоятельной сделки. Существуют как сторонники, так и противники данного решения. Кратко остановимся на содержании соответствующего дискурса.

По мнению А.В. Егорова, свидетельствовать о существовании распорядительных сделок может: возможность самостоятельного оспаривания двух типов сделок, невозможность применения некоторых институтов обязательственного права [13, с. 89].

В.В. Груздев в своем исследовании также дает отрицательный ответ на вопрос по поводу необходимости существования в праве «посредника» в виде распорядительной сделки, считая, что для исполнения вполне достаточно фактических действий [11, с. 122]. Поэтому решение данного вопроса поставлено в зависимость от законодателя, допускающего или запрещающего существование сделок распорядительных.

Однако встречаются и сугубо утилитарные подходы на этот счет. Например, ученые приходят к выводу о том, что «признание или непризнание принципа разделения (а как следствие, и распорядительных сделок) представляет собой результат выбора правовой политики» [5, с. 35].

Известный немецкий юрист и основатель исторической школы права Ф. Савиньи в своих трудах размышляет об основаниях для разделения каузальной и вещной сделки, подчеркивая необходимость абстрагирования вещной сделки, основанной на собственном основании приобретения, от обязательства, исполнением которого является традиция [55, с. 158].

Наряду с обязательственным договором, автор выделяет «традицию», которую рассматривает как «истинный договор», содержащий все его характерные признаки, связанные с наличием волеизъявления всех сторон, направленные на передачу владения в собственность в данный момент. Здесь автор подходит к понятию вещного договора, приводя следующий пример:

если продается дом, то подразумевается обязательственный договор, однако последующая *tradicio*, также является договором и подлежит концептуализации в подобном качестве.

Существует и позиция о том, что распорядительные сделки существуют в зарубежных, например, в немецком правовом порядке, но отсутствуют в отечественной практике. По мнению А.В. Егорова, распорядительные сделки наличествуют в современном российском законодательстве [13, с. 89], а их чертой выступает возможность оказывать воздействие на субъективное право, обеспечивать его переход от одного субъекта к другому.

Но не всего они из перечисленных автором направлены к исполнению обязательства, поскольку наряду с соглашением о передаче собственности на вещь, в соответствующий перечень включается уступка права требования, соглашение о передаче исключительного права, уступка доли в ООО, передаточное распоряжение в отношении бездокументарных ценных бумаг и пр.

Однако широкое распространение приобрели и альтернативные представления, в силу которых распорядительные сделки являются ни чем иным, как излишним и неоправданным научным измышлением, не несущим в действительности какого-либо прикладного значения. Чаще всего основанием для конструирования подобного умозаключения служат скорее определенным образом сформулированные представления «о здравом смысле», недопустимости излишней абстрактизации правовых норм и институтов и т.п. Причем данный подход распространен не только в нашей стране, где законодатель распорядительные сделки не выделяется на законодательном уровне, но и даже в Германии, где такое выделение существует и на законодательном уровне. Представляется, что заключение одной сделки уже достаточное основание для перехода к этапу ее исполнения, который реализуется посредством осуществления фактических действий.

Категоричные суждения относительно существования или же перспектив заимствования в отечественный правовой порядок предлагаются Е.А. Сухановым, отмечая, что в рамках российского законодательства указанная дифференциация сделок (на распорядительные и обязательственные) отсутствует, а данная концепция деления последних на вышеназванные виды не представляет научного интереса вследствие отсутствия у них свойств и характеристик, обуславливающих необходимости и прикладной смысл подобной дифференциации, а именно, отсутствие в действительности абстрактности как важнейшего свойства «распорядительных сделок», и оно не является общепризнанным в теории [59, с. 391].

Некоторые авторы, напротив, разрабатывая учение о распорядительной сделке, придерживаются крайне широкой концепции вещных договоров. М.А. Русских рассматривает как распорядительное всякое соглашение, направленное на передачу вещи и права на нее [53, с. 496].

Интересная позиция по вопросу соотношения договора и основанной на нем передачи вещи выразила Ю.В. Шибаева, которая, давая отрицательный ответ на вопрос о том, является ли передача (исполнение договора) самостоятельной сделкой, пишет: «...оценка юридического значения передачи невозможна в отрыве от договора. И если рассматривать передачу в рамках элемента договорной системы, то легко обнаруживается, что predetermined соглашением сторон акт передачи есть не что иное, как техническое средство, способ исполнения данного соглашения» [67, с. 24].

Из современных авторов, последовательно отстаивающих наличие самостоятельной модели распорядительной сделки, можно назвать Л.Ю. Василевскую [6, с. 12]. По мнению Л.Ю. Василевской, распорядительная сделка есть особый договор, не порождающий обязательство. Важнейшим его признаком является отсутствие акцессорной связи между обязательственным договором и договором вещным, что

называется принципом абстрактности, позволяет сохранить стабильность гражданского оборота.

Учитывая все разнообразие вышеприведённых трактовок, мы приходим к выводу о том, что кроме правового средства – собственно договора для того, чтобы завершить обязательственные правоотношения на этапе их исполнения, необходим еще один дополнительный элемент, который, однако, расценивается в научной мысли по-разному. Он может пониматься и как сделка, и как юридический факт, и как фактическое действие.

Полагаем, что распорядительный договор есть сделка, направленная на возникновение вещно-правовых последствий, связанных с переходом абсолютных прав на тот или иной объект, являющийся предметом соответствующей вещной сделки. В рамках реализации собственных дискреционных полномочий законодатель может признать наличие вещного договора как особой договорной разновидности и закрепить его в своей правовой системе, или отказаться от указанного конструкта, иначе разрешив вопрос по поводу правовой природы передачи вещи, включив ее в структуру обязательственного договора, или выведя за его пределы, но не наделив статусом самостоятельного соглашения (например, признав действия по исполнению обязательства юридическим фактом).

Тем самым, если фактическим отношениям (чаще всего) присущ целостный едионаправленный характер, то в отношении правовых отношений в целях их юридической оценки всегда допускалось и допускается их разделение на несколько стадий, элементов, этапов, призванных выявить ключевые характеристики, заслуживающие внимания именно в рамках того или иного этапа, дать им оценку с правовой точки зрения.

Полагаем, что распорядительная сделка имеет право на существование в российской правовой системе. Но будучи способом исполнения обязательства, такого рода сделка может также сосуществовать в роли

самостоятельной договорной формы, не имея под собой отдельного основания в виде обязательства (например, уступка права требования). Тогда сделка будет порождать вещно-правовой эффект сама по себе, без связи с каким-либо другим договором. Поэтому с точки зрения правовой природы распорядительная сделка может быть сведена к способу исполнения обязательства.

Однако природа сделки как исполнения договора верна не для всех категорий обязательств. Полагаем, что в их основе должен лежать переход вещных прав на соответствующий объект. Сделки же, в основе которых лежит иная направленность, будут исполняться иначе, что потребует формулирования позиции относительно соответствующей их особенностям природы исполнения.

Правоприменитель иногда использует термин «распорядительная сделка». Так, по спору о виндикации, признавая законным решение об отказе в иске, Восьмой арбитражный апелляционный суд отметил, что передача в качестве распорядительной сделки по исполнению договора купли-продажи движимой вещи является элементом сложного юридического состава, завершение которого в силу п. 1 т. 223 ГК РФ образует право собственности приобретателя по договору [46]. Исходя из формулировок, видно, что правоприменитель отождествляет распорядительную сделку с исполнением договора.

В данном случае, суд посчитал, что договор исполнен вследствие сложного правового состава, в число элементов которого входили как обязательственная (собственно, договор купли-продажи), так и распорядительная сделки (передача владения). Исполнение обязательство рассматривалось как самостоятельная сделка.

Заключение распорядительной сделки рассматривается как необходимое условие ее исполнения и применительно к договору купли-продажи автомобиля, причем постановка на учет автомобиля в уполномоченном органе не рассматривается как доказательство исполнения

договора – для этого необходимо отдельное волеизъявление участника, наделенное сделочной природой [44].

Принцип абстрактности распорядительной сделки в отношении исполнения договора по передаче недвижимости проявляется и в том, что действия, связанные с передачей вещи, могут быть самостоятельным предметом спора. В Постановлении Арбитражного суда отмечалось, что «...правило о переходе права собственности с момента отражения в публичном реестре преследует цель обеспечить стабильность гражданского оборота» [45].

Тем самым, получило подтверждение то обстоятельство, что с точки зрения юридической природы исполнение некоторых типов договоров осуществляется посредством совершения распорядительной сделки, которая направлена на обеспечение перехода владения и отвечает принципу абстрактности. Исходя из этого, исполнение обязательства может рассматриваться как самостоятельная сделка.

Вопрос о правовой природе исполнения договоров осложняется тем обстоятельством, что в условиях многообразия последних, привести к единому знаменателю процесс исполнения может быть просто невозможно. Например, Ю.В. Романец, используя такой критерий классификации сделки, как ее направленность в виде цели, преследуемой сторонами, выделял семь типов договоров, направленных на:

- предоставление в пользование объектов гражданских прав;
- выполнение работы или оказание услуги;
- предоставление отсрочки возврата имущества или оплаты;
- общецелевые договоры;

с. 119].

Существуют и иные классификации, наличие которых лишь свидетельствует о большом разнообразии существующих в обществе

договоров. Они прослеживают отличия с точки зрения признаков, объекта, направленности. Это делает вряд ли возможным определение какой-то единой правовой природы исполнения договорного обязательства. Проистекая из особенностей самого договора, его исполнение договора возможно посредством совершения различных действий.

Тот факт, что договор может исполняться посредством совершения отдельной сделки, был рассмотрен выше. Сделан вывод о том, что исполнение обязательства может являться сделкой ввиду его направленности на возникновение, изменение либо прекращение правоотношения.

Давая определение правовому поступку, его иногда связывают с правомерным действием, которое в силу правовых норм влечет юридические последствия без учета того факта, как лицо относилось к данным последствиям.

Исполнение договора надлежит рассматривать в качестве правового поступка, направленность воли сторон в рамках которого именно на исполнение не будет иметь значение. С юридической точки зрения, обязательство будет исполнено без относительно характера направленности воли [27, с. 56].

Большое внимание концепции правового поступка как лежащего в основе исполнения обязательства уделялось такому известному советскому цивилисту, как М.М. Агарков. С точки зрения ученого, не исключалось существование действий по исполнению, который, не являясь ни сделкой, ни правоотношениями, были направлены на исполнение обязательства [58, с. 89].

В целом, разграничение между собой юридического поступка и сделки – есть задача нелегкая. Некоторые авторы находят черты, сближающие их друг с другом. В первую очередь, и те, и другие, опосредуются выражением воли и человеческого сознания, представляют собой опосредованную сознанием реакцию организма на определенные раздражители. В их основе

лежит некая сознательная потребность. И поступки, и сделки, направлены на реализацию интересов субъекта в допустимой законом форме [25, с. 622].

Против определения поступка как исполнения обязательства выступает С.В. Сарбаш, который отмечает, что в таком случае можно признать поступком и неисполнение договора [56, с. 322]. Однако, как представляется, давая оценку юридической природы исполнения договора, мы осознаем, что речь может идти исключительно о действиях правомерным, а неправомерные выступать как исполнение обязательства не могут.

Иногда в качестве действий по исполнению обязательства рассматриваются так называемые «результативные действия», представляющие собой создающие предусмотренные нормами права, объективированные результаты, которые нужно относить к категории юридических поступков [51, с. 27].

В основу теории о том, что юридические поступки лежат в основе исполнения обязательства, положено то, что в действиях, направленных на исполнение обязательства, нет признаков, присущих сделке, ввиду отсутствия в их содержании волеизъявления сторон. Это исключает, оценку таких действий в качестве правопрекращающих сделок. Юридические акты, как правило, не в состоянии порождать того эффекта, ради которого стороны вступали в правоотношение.

Против концепции об удвоении сделки и, соответственно, воли и волеизъявления, лежащего в ее основе, выступал В.В. Кулаков. С точки зрения ученого, «исполнение сделкой не является, иначе к нему надо было бы применять нормы ГК РФ о сделках, при этом без всяких оговорок. Тогда могла бы возникнуть странная ситуация, когда исполнивший обязательство мог бы потребовать возврата исполнения, ссылаясь, скажем, на то, что находился в этот момент в невменяемом состоянии. Исполнение обязательства — это способ его прекращения, сделкой не являющийся» [15, с. 159].

Вместе с тем можно отметить, что отрицание признания исполнения сделкой следует не из собственных признаков действий по исполнению и даже не из особенностей ситуаций, в которых исполнение может происходить, а из опасности распространения на исполнение всех норм о сделках. Поскольку исполнение обязательства предполагает совершение волевых действий, неверным будет отрицать, что исполнение обязательства природой сделки не обладает.

Тем самым, исполнение обязательства охватывается осуществлением действий в соответствие с условиями обязательства. Исполнение обязательства может заключаться в выполнении разнородных по правовой природе действий, которые могут являться как юридическими актами, так и юридическими поступками.

По результатам проведенного в первой главе исследования были сформулированы следующие выводы:

– исполнение обязательства есть предусмотренные правом действия сторон, посредством которых осуществляется его прекращением надлежащим исполнением. Сформулировано понятие исполнения договорных обязательств как особой разновидности юридически значимой деятельности, которая осуществляется сторонами в рамках обязательственного правоотношения, и находит выражение в совершении положительных действий, но иногда в воздержании от совершения каких-либо действий;

– в качестве исполнения договорного обязательства надлежит рассматривать действия, которые определены в конкретном обязательстве. С точки зрения правовой природы, исполнение может быть совершено различными способами, если это предусмотрено в законе или в договоре. Важно лишь то, что исполнение обязательства порождает его прекращение в соответствие с его условиями. Единство этого признака не дает оснований сводить все подобные действия к одной разновидности юридических фактов;

— исполнение может опосредоваться совершением юридического акта в форме распорядительной сделки или путем юридического поступка - посредством фактической передачи вещи, выполнения работы, предоставления услуги. Также, исполнение может получить выражение в форме одностороннего волеизъявления, направленного на заключение основного договора;

— получило подтверждение то обстоятельство, что с точки зрения юридической природы исполнение некоторых типов договоров осуществляется посредством совершения распорядительной сделки, которая направлена на обеспечение перехода владения и отвечает принципу абстрактности. Исходя из этого, исполнение обязательства может рассматриваться как самостоятельная сделка.

Глава 2 Основные принципы надлежащего исполнения договорных обязательств

2.1 Принцип надлежащего исполнения обязательства

В.В. Кулаков отмечает, что «исполнение обязательства, как отмечалось ранее, представляет собой совершение должником действий, составляющих его содержание. Соответственно, такие действия должны подчиняться строгим правилам. Правила исполнения обязательств называются традиционно принципами... Проблема определения сущности принципов гражданского права - одна из краеугольных и является частным случаем проблемы установления природы принципов права вообще» [15, с. 159].

Стоит согласиться с высказываемой в науке позицией исследователей в части того, что «принцип (надлежащего исполнения обязательства. – прим. автора) является, по нашему мнению, заглавным, поскольку законодатель, хотя и не совсем точно выражаясь, связывает прекращение обязательства, т.е. достижение цели последнего, именно с надлежащим исполнением. В самом деле, надлежащее исполнение — это тот эффект, который должен в наибольшей степени удовлетворять интерес кредитора. Поэтому его справедливо относят именно к общему требованию, предъявляемому к сторонам обязательства» [56, с. 222].

По общему правилу, в ст. 310 ГК РФ предусмотрена недопустимость одностороннего отказа стороны от исполнения обязательства и (или) одностороннего изменения его условий. «Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами» [8]. Исключение из правила о неизменности договорного обязательства предусмотрено в ч. 2 ст. 310 ГК РФ: «2. Одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами

предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения этого обязательства допускается в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. В случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне [8].

Также важной гарантией надлежащего исполнения обязательства будет возложение ответственности за неисполнение, а также предусмотренные в законе способы обеспечения исполнения обязательств, избрать которые стороны вправе на стадии заключения гражданского договора [2, с. 28].

В качестве важнейшего условия для признания исполнения надлежащим выступает добросовестность должника. Это означает, что кроме предусмотренных в законодательстве требований к выполнению договорных условий должник не вправе действовать пусть и без прямых нарушений, но недобросовестно. Недобросовестное поведение носит характер особого нарушения, которое «прячется» под формальной законностью поведенческого акта.

Действуя подобным образом, лицо с формальной точки зрения соблюдает предписанное обязательство. Но его недобросовестность при исполнении обязательства не позволяет оценивать поведение как отвечающее принципу надлежащего исполнения. Исходя из этого, можно сформулировать следующий вывод: надлежащее исполнение обязательства предполагает добросовестные действия (или бездействия) должника, что лежит в основе принципа надлежащего исполнения обязательства.

В судебной практике сложились единообразные представления по поводу того, что недобросовестность должника при исполнении

обязательства исключает возможность оценки его действий как соответствующих принципу надлежащего исполнения.

Так, судом была рассмотрена кассационная жалоба по спору ООО «Инель» (истец, лизингополучатель) по требованиям к ООО «Совкомбанк лизинг» (ответчик, лизингодатель), о возврате суммы внесенного аванса по договору лизинга от 31.05.2021 № АК-0521/17839 ввиду его ненадлежащего исполнения со стороны ответчика.

В основу соответствующего спора был положен тот факт, что по договору лизинга между названными сторонами лизингодатель должен был исполнить обязанность в части покупки экскаватора HITACHI ZX330-5G, в соответствие со спецификацией спецификации к договору, общей стоимостью 5 300 000 руб. у продавца.

Лизингополучатель свою обязанность по внесению авансового платежа выполнил. В рамках отношений с продавцом лизингополучатель 03.06.2021 перечислил обществу предусмотренный договором лизинга авансовый платеж, однако продавец свою обязанность в части поставки техники не исполнил. Ответчик сослался на то, что в силу согласованного сторонами договора, лизингодатель не несет риск невыполнения продавцом, выбранным лизингополучателем, обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга. Суд, приняв во внимание содержание договора, отказав в удовлетворении требований истца о возврате авансового платежа.

Но Верховный Суд РФ с данными выводами нижестоящих судов не согласился, выявив недобросовестность в действиях лизингодателя. Суд посчитал, что это правило рассчитано на случаи, когда не имеется вины ни лизингодателя, ни лизингополучателя в ненадлежащем исполнении обязательств продавцом. Суд отметил отсутствие со стороны лизингодателя достаточной степени разумности и добросовестности в части заключения сделки по приобретению предмета лизинга. Лизингодатель не проявил необходимую заботливость, свойственную обычному участнику гражданского оборота, отступив от формата рачительного поведения.

Учитывая данные обстоятельства, принимая во внимание то, что предоплата была направлена ответчиком до момента достижения соглашения по всем существенным условиям договора, суд счел, что необоснованным будет его освобождение от риска невыполнения продавцом, выбранным лизингополучателем, обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга.

Исходя из этого, дело направлено на новое рассмотрение, в том числе для того, чтобы суды при повторном рассмотрении дали должную оценку по поводу того, было ли исполнение договорного обязательства со стороны лизингодателя надлежащим [37].

Анализ содержания п. 1 ст. 309 ГК РФ позволяет прийти к выводу о том, что для признания состоявшегося исполнения надлежащим необходимо установить его соответствие одновременно двум основным перечням критериев - условиям обязательства (договора) и императивным предписаниям закона, а если данные условия не определены ни в законе, ни в договоре, то обычно предъявляемым требованиям к исполнению данного рода. Исполнение признается надлежащим, если оно исполнено в соответствии с требованиями законодательства и соглашения в отношении должника, кредитора, предмета, сроков, места и способа исполнения.

Однако в самом общем виде надлежащим может быть признано исполнение, которое соответствует указанным выше критериям по способу, порядку, объему, сроку и другим юридически значимым признакам. При этом бремя доказывания надлежащего исполнения обязательства возлагается на должника [2, с. 122].

Отметим, что в правовой науке не сложилось единообразных представлений относительно содержания исследуемого в данном параграфе принципа. Некоторые ученые допускают выделение внутри принципа надлежащего исполнения два типа условий:

- определяющие условия его внешнего проявления;
- характеризующие пространственно-временные параметры

исполнения [17, с. 233].

В силу содержания главы 22 ГК РФ, надлежащее исполнение может быть раскрыто через перечисление условий:

- исполнение надлежащим предметом;
- надлежащим способом;
- исполнение надлежащему лицу и надлежащим лицом;
- в надлежащий срок;
- в надлежащем месте.

Отдельные правила в части надлежащего исполнения обязательства могут быть обусловлены типом обязательств. Например, много правил в части исполнения денежных обязательств (ст. 317 ГК РФ «валюта денежных обязательств», ст. 317.1 ГК РФ «проценты по денежному обязательству» и пр.)

Как представляется, исполнение обязательства надлежащим предметом предполагает, что должник обязан выполнить именно действия, которые составляют предмет обязательства, либо воздержаться от совершения соответствующих действий. Требуется достижение заранее согласованного сторонами результата, желая получить который стороны вступили в договорные отношения. В таком понимании принцип прослеживает тесную связь с принципом реального исполнения.

Если же трактовать данное условие расширительно, допуская рассмотрение в качестве надлежащего исполнения не только совершение согласованных действий, но и предоставление компенсации за их неисполнение, то принцип надлежащего исполнения получает более широкую трактовку. Определение правовой модели надлежащего исполнения обязательства с учетом его предмета зависит от сложившегося в том или ином правопорядке регулирования.

Также исполнение рассматривается как надлежащее, если оно исполнено надлежащим способом. Следует помнить, что такого рода порядок напрямую связан с предметом исполнения и во многом им определен.

Соблюдение требований по поводу способа исполнения обязательства требует выполнения условий соглашения. При неурегулировании вопроса по поводу способа исполнения, данный аспект может быть восполнен на основе законодательства.

К примеру, если в договоре поставки не согласованы порядок и форма расчетов, то действует предусмотренное п. 1 ст. 516 ГК РФ правило о том, что «покупатель оплачивает поставляемые товары с соблюдением порядка и формы расчетов, предусмотренных договором поставки. Если соглашением сторон порядок и форма расчетов не определены, то расчеты осуществляются платежными поручениями».

Также, соглашение может содержать несколько вариантов в части способов исполнения обязательства. Так, Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении требований о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о признании недействительным договора страхования транспортного средства, обязанности возратить страховую премию. Приходя к соответствующим выводам, суд руководствовался тем, что наличие у страхователя существенного заблуждения об условиях договора при его заключении не доказано, осуществление выплаты либо проведение ремонта на иной станции техобслуживания является альтернативным способом исполнения обязательства [34]. Поэтому, руководствуясь условиями соглашения, страховая компания избрала способ исполнения обязательства в виде проведения ремонта, что было признано судом допустимым.

Способ исполнения обязательств является важным условием исполнения, поэтому его замена приводит к новации обязательства, в то время как внесение изменений в части сроков и порядка расчетов в рамках обязательства, как новация не рассматривается. В рамках новации, в свою очередь, речь идет о полной замене текущего обязательства, поэтому как способ его исполнения рассматриваться таковая не может.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений

Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» отмечается, что «соглашение о замене первоначального обязательства другим может быть сформулировано, в частности, путем указания на обязанность должника предоставить только новое исполнение и (или) право кредитора потребовать только такое исполнение» [49].

Что касается уточнения размера задолженности или порядка погашения, данные изменения не являются новацией.

Надлежащий способ исполнения также требует по общему правилу, его исполнения в полном объеме. В ст. 311 ГК РФ указывается, что «кредитор вправе не принимать исполнения обязательства по частям, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства и не вытекает из обычаев или существа обязательства».

Но если существо денежного обязательства не исключает его исполнение по частям, то кредитор не вправе отказаться от принятия исполнения такого обязательства в части.

Имеют место некоторые особенности в части исполнения денежного обязательства. Особая юридическая природа денег связана с тем, что они обладают универсальной платежеспособностью, так как с их помощью можно погасить всякий имущественный долг. Это обусловлено их ролью и значением в качестве всеобщего эквивалента [72].

Возможность исполнения обязательства путем внесения долга в депозит предусмотрена ст. 327 ГК РФ «должник вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса, а в случаях, установленных законом, в депозит суда - если обязательство не может быть исполнено должником вследствие: отсутствия кредитора или лица, уполномоченного им принять исполнение, в месте, где обязательство должно быть исполнено; недееспособности кредитора и отсутствия у него представителя; очевидного отсутствия определенности по поводу того, кто является кредитором по обязательству, в частности в связи со спором по

этому поводу между кредитором и другими лицами; уклонения кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны» [8].

Затем нотариус или суд доводят до сведения кредитора о факте исполнения обязательства со стороны должника, а обязательство признается исполненным [10, с. 332]. То есть внесение денежных средств в депозит данных субъектов, при соблюдении ряда предусмотренных в законе условий, является надлежащим исполнением.

По общему правилу, требуется, чтобы обязательство было исполнено в установленный срок. Немаловажным является и исполнение обязательства в установленный договором срок. Это вызвано тем, что по истечении срока кредитор может уже утратить интерес в получении обязательства. Тем самым, соблюдение сроков также является элементом надлежащего исполнения, а нарушение требований к срокам имеет своим результатом рассмотрение подобного исполнения как ненадлежащего. Досрочное исполнение обязательства, хоть и не исключается, имеет некоторые ограничения: «Однако досрочное исполнение обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, допускается только в случаях, когда возможность исполнить обязательство до срока предусмотрена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства либо вытекает из обычаев или существа обязательства».

Что касается срока исполнения обязательства, то данные правила предусмотрены ст. 314 ГК РФ:

«Если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения либо период, в течение которого оно должно быть исполнено (в том числе в случае, если этот период исчисляется с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором), обязательство подлежит исполнению в этот день или соответственно в любой момент в пределах такого периода.

В случаях, когда обязательство не предусматривает срок его исполнения и не содержит условия, позволяющие определить этот срок, а равно и в случаях, когда срок исполнения обязательства определен моментом востребования, обязательство должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок не предусмотрена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства. При непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении такого обязательства должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не явствует из обычаев либо существа обязательства» [8].

Так, федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» в п. 4 ст. 11 устанавливает, что «заемщик имеет право вернуть досрочно кредитору всю сумму полученного потребительского кредита (займа) или ее часть, уведомив об этом кредитора способом, установленным договором потребительского кредита (займа), не менее чем за тридцать календарных дней до дня возврата потребительского кредита (займа), если более короткий срок не установлен договором потребительского кредита (займа)» [62].

Решая вопрос о принятии досрочно исполненного обязательства, сторона должна действовать добросовестно, не допуская злоупотреблений своими правами.

Например, суд кассационной инстанции по итогам рассмотрения кассационной жалобы по требованиям ПАО «Банк ВТБ» (далее также банк) по иску к И. о расторжении кредитного договора и взыскании задолженности, пришел к следующим выводам.

По существу настоящего спора, ответчик против удовлетворения иска возражал, указывая на досрочное исполнение обязательств по кредитному договору. Решением Мещанского районного суда г. Москвы суд отказа в

удовлетворении требований. Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, принял новое решение об удовлетворении иска, расторгнув кредитный договор и взыскав с ответчика И. задолженность в размере 255 217,99 и судебные расходы в размере 11 752,18 руб.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 ноября 2023 г. апелляционное определение оставлено без изменения. Заявителем поставлен вопрос об отмене постановлений судов апелляционной и кассационной инстанций, как незаконных.

ВС РФ обратил внимание на п. 7 кредитного договора, который был заключен между сторонами. В документе была закреплена возможность частичного досрочного возврата кредита, которая осуществляется по заявлению заемщика при личной явке заемщика в банк или с использованием дистанционных каналов связи.

Судом установил, что 24 мая 2018 г. И. внесла на кредитный банковский счет всю сумму оставшейся задолженности, что подтверждается платежным поручением и приходным кассовым ордером, где содержалось указание на цели платежа «погашение кредита», а также выпиской по счету за указанный период.

Однако по истечении трех лет банк направил И. уведомление о досрочном истребовании задолженности по кредитному договору, поскольку переведенные ею деньги ежемесячно списывались со счета в качестве регулярных платежей по договору, в связи через определенный промежуток времени по исчерпанию сумм на счете, у И. стал накапливаться долг.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что досрочное погашение задолженности осуществляется на основании письменного заявления заемщика, которое не было подано И.

Но судебная коллегия Верховного Суда РФ отметила, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или

недобросовестного поведения, а при исполнении обязательств стороны должны действовать добросовестно.

Со стороны Истца же по данному делу имела место именно недобросовестность. Ответчица, внося на кредитный банковский счет денежную сумму в размере в размере всей суммы долга, ясно и недвусмысленно указала цель платежа - погашение кредита. Недобросовестность банка проявилась в том, что последний денежные средства зачислил на счет ответчика, предназначенный для погашения кредита, одновременно продолжая начислять проценты за пользование кредитом, действуя вопреки воле и интересам потребителя и не известив его об этом. Исходя из этого, дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение, поскольку суд не дал оценку данным действиям банка, в том числе с точки зрения добросовестности [36].

Что касается места исполнения обязательства, то оно должно быть определено законом, договором или явствовать из обычаев либо существа обязательства. Иначе будут применяться правила в части определения места исполнения обязательства, урегулированные ст. 316 ГК РФ, где указано, что «если место исполнения обязательства не определено законом, иными правовыми актами или договором, не явствует из обычаев либо существа обязательства, исполнение должно быть произведено:

- по обязательству передать земельный участок, здание, сооружение или другое недвижимое имущество - в месте нахождения такого имущества;
- по обязательству передать товар или иное имущество, предусматривающему его перевозку, - в месте сдачи имущества первому перевозчику для доставки его кредитору;
- по другим обязательствам предпринимателя передать товар или иное имущество - в месте изготовления или хранения имущества, если это место было известно кредитору в момент возникновения обязательства;
- по денежному обязательству об уплате наличных денег - в месте жительства кредитора в момент возникновения обязательства или, если

кредитором является юридическое лицо, в месте его нахождения в момент возникновения обязательства;

– по денежному обязательству об уплате безналичных денежных средств - в месте нахождения банка (его филиала, подразделения), обслуживающего кредитора, если иное не предусмотрено законом» [8].

Наиболее сложно определить надлежащее место исполнения в том случае, когда имеет место факультативное обязательство. Например, основное обязательство предполагает передачу со стороны должника в адрес кредитора участок земли, но допускается замена данного обязательства на денежное. Для основного местом исполнения будет место расположения передаваемого объекта в виде участка земли, а для факультативного - место жительства или место нахождения кредитора. Но если предполагается исполнение денежного обязательства путем перевода на счет кредитора безналичных денег, то в силу ст. 316 ГК РФ, такое обязательство надлежит исполнить по месту нахождения банка, обслуживающего кредитора [15, с.159].

Как представляется, для решения вопроса применительно к заявленной ситуации, следует обратить внимание на еще один принцип исполнения обязательства: а именно, принцип содействия сторон. Речь идет о том, что в процессе исполнения обязательств стороны должны взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. Поэтому должник должен довести до сведения кредитора о намерении приступить к факультативному исполнению и о месте исполнения.

Тем самым, принцип надлежащего исполнения обязательства носит комплексный характер, а входящие в него условия отличаются в зависимости от договоренности, существа обязательства, обычаев и прочих играющих роль обстоятельств. В качестве важнейшего условия для признания исполнения надлежащим выступает добросовестность должника. Это означает, что кроме предусмотренных в законодательстве требований к

выполнению договорных условий должник не вправе действовать пусть и без прямых нарушений, но недобросовестно. Недобросовестное поведение носит характер особого нарушения, которое «прячется» под формальной законностью поведенческого акта.

Действуя подобным образом, лицо с формальной точки зрения соблюдает предписанное обязательство. Но его недобросовестность при исполнении обязательства не позволяет оценивать поведение как отвечающее принципу надлежащего исполнения.

Исполнение признается надлежащим, если оно осуществлено в соответствии с требованиями законодательства и соглашения в отношении должника, кредитора, предмета, сроков, места и способа исполнения.

Однако надлежащим может быть признано исполнение, которое соответствует указанным выше критериям по способу, порядку, объему, сроку и другим юридически значимым признакам. Надлежащее исполнение обязательства предполагает добросовестные действия (или бездействия) должника, что лежит в основе принципа надлежащего исполнения обязательства. Важнейшим условием признания исполнения надлежащим выступает добросовестность должника. Недобросовестность при исполнении обязательства не позволяет оценивать поведение стороны как отвечающее принципу надлежащего исполнения.

2.2 Принцип реального исполнения обязательства

В основе принципа реального исполнения обязательства лежит презумпция о том, что должник в рамках исполнения обязательства должен осуществлять действия, соответствующие предмету обязательства, направленные на достижение предполагаемой цели [10, с. 344].

Предусмотрено правило в п. 1 ст. 396 ГК РФ, где определено, что «уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения

обязательства в натуре, если иное не предусмотрено законом или договором» [8].

Принцип в зависимости от научных воззрений рассматривается как отдельная составляющая принципа надлежащего исполнения или как отдельный принцип [56, с. 136].

В условиях административно-плановой экономики, принцип реального исполнения обязательств во многом абсолютизировался. Это было связано с тем, что именно государственный план лежал в основе хозяйствования, отступления от которого подрывали экономическую систему в целом, нарушали хозяйственные связи между контрагентами. Денежная компенсация не рассматривалась как адекватное исполнение тогда, когда требовалось исполнение в ином формате. В условиях дефицита товаров, работ, услуг, денежные средства не могли служить адекватной компенсацией на случай неисполнения обязательства.

На сегодняшний день, принцип реального исполнения значительно трансформировался. Исходя из современного регулирования, область применения принципа реального исполнения была сужена случаями ненадлежащего исполнения [18, с. 145]. Поэтому в праве сохранились лишь некие составляющие принципа реального исполнения, которые, к тому же, применимы лишь при наличии отдельных оснований. Что касается вопроса по поводу приоритета исполнения обязательства в натуре и компенсации убытков, то законодатель определяет как приоритетный именно последний способ.

Ученые рассматривают данный принцип в дискурсе его сопоставления с объектом обязательства, понимая под последним урегулированные обязательством поведение лица или предоставление им заранее согласованного предмета по договору. Кроме того, универсальным способом исполнения обязательства может быть выплата всеобщего денежного эквивалента, который в зависимости от существующей в конкретном государстве модели отношений сторон и характера достигнутой

между ними договоренности может использоваться как универсальный способ исполнения всякого обязательства [57, с. 154].

Принцип реального исполнения обязательства презюмирует невозможность произвольной замены его предмета на денежный суррогат без специального допущения со стороны кредитора. Предполагается, что именно в силу действия принципа реального исполнения кредитор наделяется правом требования исполнения обязательства в натуре, что в силу действующего правового регулирования получает закрепление в ст. 396 ГК РФ.

Вопрос об исполнении обязательства делится в зависимости от ситуации: ненадлежащего исполнения обязательства или же его неисполнения. В первом случае компенсаторные правовые средства в виде уплаты неустойки и возмещения убытков не погашают обязательство, в то время как в ситуации неисполнения обязательства возмещение убытков и неустойки, по общему правилу, от обязательства освобождает.

Достаточно широко распространены и представления, в силу которых принципу надлежащего исполнения обязательств оказывают в его самостоятельном статусе, отмечая, что в данном случае речь может идти только о предоставлении соответствующего договору предмета [57, с. 162]. Кроме того, в практике правоприменения, с учетом положений ст. 396 ГК РФ распространился подход о том, что исследуемый принцип применим только в случае ненадлежащего исполнения и не имеет перспектив к использованию в ситуации, когда кредитор полностью не исполняет условия.

Для того, чтобы иметь возможность требовать исполнения обязательства в натуре, при отсутствии действий по исполнению кредитором, необходимы отдельные указания в законодательстве. Например, исключения из общего принципа (п. 2 ст. 396 ГК РФ) действуют в ситуациях неисполнения обязательств продавцом по договору розничной купли продажи (ст. 505 ГК РФ), по обязательствам, которые несет изготовитель, исполнитель или продавец перед потребителем (ч. 3 ст. 13 Закона № 2300-1

от 07.02.1992 «О защите прав потребителей» [16]). Представленные изъятия из общего правила, как известно служат интересам защиты экономически слабой стороны в лице потребителя – гражданина.

Особо в п. 3 ст. 396 ГК РФ прописано правило о том, что «отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес (п. 2 ст. 405 ГК РФ), а также уплата неустойки, установленной в качестве отступного (ст. 409 ГК РФ), освобождают должника от исполнения обязательства в натуре» [8]. Эта норма свидетельствует о том, что кредитор на случай просрочки должника наделен правом на отказ от принятия исполнения, преодолеть который должник не может.

Например, определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2025 № 88-2197/2025, применительно к спорам, вытекающим из отношений, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности, судом было отмечено, что «в случае длительной просрочки исполнения обязательства в натуре это исполнение по вине должника может утратить интерес для кредитора, например, автомобиль необходимый для личных семейных нужд восстановлен силами или за счет потерпевшего, или, напротив, отчужден за ненадобностью, утилизирован, либо потерпевший по иным причинам утратил интерес к его восстановлению.

В таком случае потерпевший вправе по своему усмотрению потребовать от страховщика изменить форму страхового возмещения или отказаться от страхового возмещения в натуре и потребовать возместить убытки» [38].

Однако, возможна и обратная ситуация, при которой, заключая договор, кредитор может быть заинтересован именно в получении встречного предоставления в соответствие с предметом сделки. Чаще всего такая ситуация возникает, если предмет сделки является достаточно редким, обладающим определенными исключительными свойствами и

особенностями, вследствие чего уплата неустойки и возмещение убытков не являются достаточной компенсацией для кредитора.

Учитывая отказ от абсолютизации данного принципа, правоприменитель должен сопоставить интересы и возможности обеих сторон соглашения.

Так, Министерство и общество заключили договор на поставку министерством обществу лома и отходов драгоценных металлов (далее - ЛОДМ), образующихся в войсковых формированиях.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к министерству об исполнении в натуре обязательства. Суд первой инстанции (и с этим решением согласились вышестоящие суды) требования удовлетворил.

Основанием для таких выводов суда послужили в том числе и положения п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», где указывалось, что «отсутствие у должника того количества вещей, определенных родовыми признаками, которое он по договору обязан предоставить кредитору, само по себе не освобождает его от исполнения обязательства в натуре, если оно возможно путем приобретения необходимого количества товара у третьих лиц» [47].

Однако ВС РФ счел, что приведенные разъяснения касались только вещей, доступных к свободному обращению на открытом рынке. Если предмет сделки является таковым, то в действительности, у продавца, у которого по определенным причинам был утрачен реализуемый объект, нет препятствий к тому, чтобы приобрести его у другого контрагента и затем реализовать в соответствии с условиями сделки контрагенту по спорной сделке.

Однако товар по данной сделке, исполнение которого было предметом спора, не может быть отнесен к вещи, свободно обращающейся на рынке.

Исходя из этого, суд пришел к выводу о том, что характер вещей, передаваемых по договору, свидетельствует о невозможности понуждения к исполнению указанного обязательства в натуре, поскольку это может противоречить публичным интересам [32].

Тем самым, как представляется, принцип реального исполнения обязательств носит субсидиарный характер, получая применение только при определенных условиях. В условиях рыночной экономики приоритет отдается принципу полного возмещения убытков кредитора за счет должника, который предполагает компенсацию всех понесенных потерь, в том числе и упущенной выгоды.

Принцип же, рассматриваемый в рамках настоящего параграфа, нивелируется содержанием п. 2 ст. 396 ГК РФ. При неисполнении обязательства должником выплата им убытков и неустойки освобождает его от исполнения обязательства в натуре, а обязательство из неденежного преобразуется в денежное, если иное не предусмотрено законом или договором.

В случае ненадлежащего исполнения обязательства, в силу п. 1 ст. 396 ГК РФ сторона продолжает нести обязанность выполнить обязательство в натуре, в то время п. 2 той же статьи определяет, что при неисполнении обязательства достаточным будет только предоставление надлежащей компенсации – исполнять обязательство в натуре в таком случае сторона не обязана (если нет отдельных законных или договорных указаний). Логика законодателя при конструировании подобной модели нормативного регулирования не вполне ясна.

Тем самым, как представляется, принцип реального исполнения обязательств носит субсидиарный характер, получая применение только при определенных условиях. В условиях рыночной экономики приоритет отдается принципу полного возмещения убытков кредитора за счет должника, который предполагает компенсацию всех понесенных потерь, в

том числе и упущенной выгоды. Принцип же, рассматриваемый в рамках настоящего параграфа, нивелируется содержанием п. 2 ст. 396 ГК РФ.

Один из инструментов, направленных на повышение степени мотивации сторон к реальному исполнению обязательства, сосредоточен в ст. 308.3 ГК РФ. В пункте 1 данной статьи предусматривается, что «в случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения» [8]. Это означает, что если кредитор настаивает именно на исполнении обязанности в натуре, то он может воспользоваться данным инструментарием судебного понуждения.

Институт, дополнивший принцип реального исполнения обязательства, получил наименование астрента. Астрент – возможность возложения судом по требованию кредитора на должника, не исполнившего судебный акт, обязанности выплатить в пользу первого денежную сумму, руководствуясь при этом постулатами справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Несмотря на то, что в рамках астрента речь идет также о возложении денежной компенсации, его надлежит отграничивать от близкого ему способа обеспечения исполнения обязательства в виде неустойки.

Как представляется, эффективным критерием для разграничения астрента и неустойки будут выступать особенности целей, для достижения которых они применяются.

Неустойка призвана снизить потери кредитора, в то время как астрент направлен на мотивирование должника к соблюдению вынесенного в

отношении него итогового судебного акта в виде исполнения обязательства в натуре.

Определяя природу астрента, Д.В. Лоренц характеризует термин как «судебную неустойку, представляющую собой денежную сумму, присуждаемую судом по заявлению истца, которая взыскивается на случай неисполнения судебного акта по неденежному требованию». Данная норма по аналогии со ст. 394 ГК РФ устанавливает соотношение с убытками для следующих видов астрента:

- зачетный астрент;
- исключительный астрент;
- штрафной астрент;
- альтернативный астрент [30, с. 115].

Различия между двумя институтами могут быть прослежены и в ходе анализа судебной практики. Например, по одному делу суд обязал учредителя общества передать конкурсному управляющему ряд документов, в т.ч. оборотно-сальдовые ведомости. За неисполнение назначили неустойку.

Суд кассационной инстанции пришел к выводу, что поскольку ответчик не имел возможности исполнить судебное решение по причине отсутствия у него затребываемых документов, неустойка явилась лишь дополнительным материальным бременем для него, в то время как для истца судебная неустойка была способом пополнения конкурсной массы, что не соответствует ее юридической сущности [43].

Таким образом, принцип реального исполнения обязательства предусматривает совершение должником именно тех действий, которые соответствуют предмету обязательства, и совершением которого достигается тот результат, ради которого они и вступали в правоотношения. Отказ от данного принципа приведет к подрыву всей устойчивости и стабильности системы хозяйствования в целом.

Принцип надлежащего исполнения обязательства не поглощает принцип реального исполнения. Первый принцип носит общий характер,

применяясь на всех этапах динамики обязательственного отношения. Что касается принципа реального исполнения обязательств, то он получает практическое применение только в случае нарушений в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Следует пересмотреть место расположения института астрента (ст. 308.1 ГК РФ), который размещен в гл. 21 ГК РФ, посвященный понятию обязательства. Поскольку с точки зрения своей природы, астрент прослеживает близость со способами защиты прав и положениями об ответственности и применяется только в том случае, если уже допущено нарушение обязательства, место его расположения в тексте законодательного акта не соответствует его юридической природе. Поэтому, как представляется, институт астрента надлежит урегулировать в гл. 25 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение обязательств.

В целях устранения юридической неопределённости, следует унифицировать правила по поводу исполнения обязательства в натуре для обеих ситуаций, сведя п. 1 и п. 2 ст. 396 ГК РФ к единому положению следующего содержания:

Возмещение убытков и уплата неустойки в случае нарушения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, предусмотренных законом или договором, либо когда из характера возмещенных убытков и уплаченной неустойки явствует намерение сторон прекратить обязательство».

Принципы экономичности исполнения и содействия сторон при исполнении обязательств

В настоящее время в законодательстве принцип экономичности исполнения отсутствует, сохраняясь при этом, при определенных обстоятельствах, в практике. Нормативное закрепление данный принцип имел в советский период развития. Так, пункт 2 статьи 168 ГК РСФСР 1964 г.

предписывал исполнять обязанности наиболее экономичным для народного хозяйства образом. Тем самым, экономичность связывалась не только с выгодой для контрагента, но с пользой для всей страны в целом. Целые движения, такие как «стахановцы», были построены на экономии ресурсов на производстве. Принцип экономичности хорошо «ложился» на конструкт административно-плановой экономики.

Однако, несмотря на его нормативное определение, принцип экономии не подкреплялся никакими обеспечительными инструментами. Речь шла только о возможности возложить на нарушителя принципа обязанность компенсировать убытки или лишить его самого права требовать их возмещения в случае нарушения вышеназванного постулата. Поэтому постулат носил во многом декларативный характер, не обладая инструментарием принудительного исполнения.

Но по мере построения свободного рынка, данный принцип лишился нормативной составляющей, а в правовой доктрине стало отмечаться, что он не отвечает целям и задачам современной системы хозяйствования [56, с.

На сегодняшний день, однако, правила, касающиеся экономичности исполнения, существуют в отношении некоторых обязательств. Например, согласно пункту 1 статьи 713 ГК РФ «Подрядчик обязан использовать предоставленный заказчиком материал экономно и расчетливо, после окончания работы представить заказчику отчет об израсходовании материала, а также возратить его остаток либо с согласия заказчика уменьшить цену работы с учетом стоимости остающегося у подрядчика неиспользованного материала» [9].

Много норм, прямо или косвенно стимулирующих к экономичному исполнению обязательств, в сфере транспортных договоров. Например, в соответствии со ст. 133 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации, предполагается плата за досрочное окончание погрузки груза: «Размер платы, причитающейся фрахтователю за окончание погрузки груза

до истечения стальнойного времени (диспач), определяется соглашением сторон. При отсутствии соглашения сторон диспач исчисляется в размере одной второй демереджа» [26].

Встречаются и представления о том, что данное правило есть проявление частного регулирования в обязательственном праве, которое не связано с отдельным принципом какой бы то ни было экономии, но представляет собой проявление принципов разумности и добросовестности [7, с. 46]. Полагаем, что подобный подход может иметь право на существование, так как концепция экономичного исполнения может, действительно, конкретизировать содержание принципа добросовестности.

В качестве проявления принципа экономичности можно отметить позицию ВС РФ, в силу которой кредитор несет расходы по принятию им исполнения, например, расходы на использование специального программного обеспечения, мобильную связь, отправку документов и т.п. Однако дополнительные издержки кредитора по принятию исполнения, вызванные действиями должника, возлагаются на последнего, и наоборот

Обязательство может рассматриваться как соответствующее исследуемому принципу, если оно было исполнено по следующим правилам:

- предполагалось исполнение с наименьшими из материальных затрат при одинаковом качестве;
- эффективное использование при исполнении обязательств организационных возможностей;
- отсутствовали ненужные периоды, этапы и действия, связанные с намеренным затягиванием процесса исполнения.

Что касается сроков как вопроса экономичности исполнения, полагаем, что для их регулирования вполне достаточно положения гражданского законодательства о сроках исполнения обязательства, а излишнюю «торопливость» при исполнении обязательства не нужно включать в

содержание экономичности. Иной подход может привести к злоупотреблению со стороны кредитора.

Что касается принципа содействия сторон, то он получил нормативное закрепление с принятием закона от 8 марта 2015 № 42-ФЗ, которым ст. 307 ГК РФ была дополнена п. 3 следующего содержания: «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели

Несмотря на это, принцип содействия имеет в российской правовой системы давние корни. Так, сходное регулирование существовало в ч. 2 ст. 168 ГК РСФСР 1964 г. Несмотря на то, что в силу текущего регулирования принцип выделяется в самостоятельном статусе, иногда отмечается, что данный постулат «дополняет и развивает принцип изначально подразумеваемой добросовестности любых гражданских правоотношений, в целом сформулированный в ст. 10 ГК РФ» [41].

Под принципом содействия сторон при исполнении обязательств З.И. Цыбуленко предложил понимать «закрепленное в нормах гражданского права основное, нормативно-руководящее начало, в соответствии с которым при осуществлении прав и исполнении обязанностей каждая из сторон обязательства должна оказывать другой стороне все возможное содействие в выполнении ею своих обязанностей, независимо от того, предусмотрено оно конкретным нормативным актом, договором или не предусмотрено ими, но вытекающее из общей нормы права» [65, с. 5]. Данный принцип является присущим исключительно обязательственному праву, в связи с чем нет оснований для его выделения в рамках всей отрасли цивилистики.

Содержательно, принцип означает, что стороны оказывают друг другу взаимопомощь, которая непосредственно не закреплена в качестве их обязанностей. Данный постулат важен для надлежащего исполнения обязательств. Однако необходимо ответить на вопрос, как этот принцип

соотносится с требованием о предоставлении друг другу необходимой информации.

Верной представляется позиция С.В. Сарбаша, который под принципом содействия понимал требование разумного поведения добропорядочных участников оборота. Данный принцип не должен трактоваться расширительно, так как в противном случае возникнут риски возложения на контрагентов непредвиденных издержек [56, с. 222].

Полагаем, что в основе этого принципа лежит его сочетание с постулатами о разумности и справедливости. Однако, оказывая содействие, сторона не должна действовать и в ущерб собственным частным интересам. Поскольку к текущему моменту не вполне ясно, в чем должно заключаться содействие, полагаем, что дать оценку в части его нарушений может быть затруднительно.

В части исполнения факультативных обязательств, указанная концепция о необходимости содействия может найти выражение в своевременном предоставлении должником информации кредитору о его намерении приступить к исполнению.

Полагаем, что принцип содействия сторон заключается в формировании на взаимной основе сторонами обязательственного правоотношения условий, которые были бы благоприятны для исполнения другими участниками своих обязанностей.

Полагаем, что по вопросу об информационном сопровождении и его соотношении с принципом содействия возможно существование нескольких ситуаций:

- обязанность представлять информационное сопровождение может носить основной характер, и тогда она будет поглощаться принципом надлежащего исполнения (в подобном статусе получение, обобщение информации будет являться будет рассматриваться как ожидаемый результат от выполнения обязательства);
- такого рода обязанность может находиться в непосредственной

связи с исполнением и подпадать под действие принципа добросовестности;

- информационное сопровождение может лишь опосредованно касаться сделки (в ситуации кредитором сведений должнику о наиболее выгодном способе доставки товара). В таком случае отказ от предоставления информации не будет иметь последствий с точки зрения права.

Тем самым, на сегодняшний день выделение в самостоятельном статусе принципа экономичности исполнения обязательства не является общепризнанным. Правила, касающиеся экономичности исполнения, существуют в отношении некоторых обязательств, однако, более распространены представления о том, что экономичность есть проявление частного регулирования в обязательственном праве, представляющее собой проявление принципов разумности и добросовестности. Полагаем, что подобный подход может иметь право на существование, так как концепция экономичного исполнения может, действительно, конкретизировать содержание принципа добросовестности.

По результатам проведенного во второй главе исследования были сформулированы следующие выводы:

- исполнение признается надлежащим, если оно осуществлено в соответствии с требованиями законодательства и соглашения в отношении должника, кредитора, предмета, сроков, места и способа исполнения. Надлежащим может быть признано исполнение, которое соответствует указанным выше критериям по способу, порядку, объему, сроку и другим юридически значимым признакам;

- надлежащее исполнение обязательства предполагает добросовестные действия (или бездействия) должника, что лежит в основе принципа надлежащего исполнения обязательства. Недобросовестность при исполнении обязательства не позволяет оценивать поведение стороны как отвечающее принципу надлежащего исполнения;

- принцип надлежащего исполнения обязательства, хоть и тесно взаимосвязан с принципом реальности исполнения, не поглощает последний.

Первый принцип носит общий характер, применяясь на всех этапах динамики обязательственного отношения, распространяясь на случаи нормального течения событий, а также на ситуации возникающих нарушений. Принцип реального исполнения обязательств получает применение только в случае нарушений в виде неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства. В таком случае, говорить о действии принципа надлежащего исполнения обязательства не приходится, поскольку некоторые условия уже были не соблюдены, поэтому для их восполнения формируется новое правоотношение охранительной природы;

- предлагается урегулировать институт астрента в гл. 25 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение обязательств;
- предлагается унифицировать правила по поводу исполнения обязательства, сведя п. 1 и п. 2 ст. 396 ГК РФ к единому положению.

Глава 3. Условия надлежащего исполнения договорных обязательств

3.1 Надлежащий субъект исполнения договорного обязательства и исполнение обязательства надлежащему лицу

Поскольку обязательственное отношение есть отношение относительное между кредитором и должником, то ему присущи все признаки относительного правоотношения, которые, в свою очередь, сказываются на особенностях исполнения. Важнейшим свойством относительного правоотношения выступает то обстоятельство, что число его участников определено и известно, а доступ посторонних лиц к частным отношениям не предполагается.

Этот признак лежит в основе отличий относительного правоотношения от абсолютного, свойством которого выступает неопределенный субъектный состав и недопустимость нарушения абсолютных прав теми без исключения объектами. Ключевой признак абсолютных правоотношений заключается в наличии определенных обязательств в отношении носителя права. Поэтому предполагается, что в рамках абсолютных правоотношений конкретному субъекту противостоит неопределенный круг лиц, которые не должны нарушать права первого.

Обязательства являются относительными правоотношениями со строго определенным субъектным составом как на управомоченной, так и на обязанной стороне.

В рамках обязательства сторон интерес управомоченного лица — кредитора реализуется не им самим (как, например, это имеет место при использовании вещи ее обладателем), а его контрагентом, путем совершения им действия или посредством бездействия, согласно с соглашением сторон. Совершение указанных действий и служит результатом обязательства.

С точки зрения содержания, обязательства составляют права кредитора не столько действовать определенным образом, сколько требовать определенного действия от лица обязанного лица должника. Что касается обязательственных прав, то их реализация сопряжена с совершением определенных согласованных действиях обязанного лица.

Тем самым, обязательство — это относительное правоотношение. В силу относительного характера обязательства, оно по общему правилу, подлежит исполнению самим должником. Но российское право не исключает возможность исполнения обязательства третьими лицами, в этой связи в науке приводятся аргументы в части того, что кредитору должна, по общему правилу, быть индифферентна фигура лица, исполняющего обязательство.

Например, еще Г.Ф. Шершеневич обращал внимание на то, что кредитор, который ждет исполнения денежного обязательства, должен относиться индифферентно к лицу, уплачивающему соответствующую сумму [65, с. 404].

В силу ст. 308 ГК РФ, в обязательстве в качестве каждой из его сторон - кредитора или должника - могут участвовать одно или одновременно несколько лиц. Если каждая из сторон по договору несет обязанность в пользу другой стороны, она считается должником другой стороны в том, что обязана сделать в ее пользу, и одновременно ее кредитором в том, что имеет право от нее требовать.

Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

В случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства.

Отдельно в ст. 321 ГК РФ урегулировано исполнение обязательства, в котором участвуют несколько кредиторов или несколько должников: «Если в обязательстве участвуют несколько кредиторов или несколько должников, то каждый из кредиторов имеет право требовать исполнения, а каждый из

должников обязан исполнить обязательство в равной доле с другими постольку, поскольку из закона, иных правовых актов или условий обязательства не вытекает иное» [8].

Тем самым, по общему правилу, обязательство должно быть исполнено должником в пользу кредитора, а исполнение обязательства третьему лицу является исключительным случаев, для которого должны иметься предусмотренные законом или договором основания.

Это допускается в тех случаях, когда:

– соглашение изначально было оформлено в пользу третьего лица (п. 1 ст. 430 ГК РФ). В качестве примера можно привести договор перевозки груза, который заключен между отправителем груза и перевозчиком, но при этом груз получает третье лицо - получатель (ст. 785 ГК РФ). Так, арендатор может застраховать арендованное имущество в пользу арендодателя-собственника, который страхователем являться не будет. В отношении него действуют следующие правила: «Договором в пользу третьего лица признается договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, с момента выражения третьим лицом должнику намерения воспользоваться своим правом по договору стороны не могут расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица. Должник в договоре вправе выдвигать против требования третьего лица возражения, которые он мог бы выдвинуть против кредитора. В случае, когда третье лицо отказалось от права, предоставленного ему по договору, кредитор может воспользоваться этим правом, если это не противоречит закону, иным правовым актам и договору» [8];

– предполагается, что обязательство может быть исполнено третьему лицу по условиям договора. Правоотношения, возникающие из договора в

пользу третьего лица, нет оснований отождествлять с отношениями, складывающимися в соответствие со ст. 313 ГК РФ. В отличие от договора в пользу третьего лица, в данном случае такое лицо не имеет права требовать исполнения от должника, поскольку это право ему ни закон, ни условия договора не предоставляют, а стороной договора оно не является;

– кредитор переадресовывает исполнение, несмотря на отсутствие в договоре условий об исполнении третьему лицу. Например, кредитор должен третьему лицу денежные средства и, должник напрямую платит третьему лицу. Такое регулирование призвано упростить хозяйственные отношения сторон.

Что же касается надлежащего субъекта исполнения обязательства, то им является должник, так как обязательство, по общему правилу, не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). Однако и из данного правила также существуют исключения. Следует заметить, что само по себе исполнение обязательства сторонним субъектом – третьим лицом, не является стандартным случаем, представляя собой изъятие из принципа относительности обязательственных отношений, произвольное вмешательство в которые не допускается. Действует правило о частном характере обязательственных отношений, где все прочие лица не могут вмешиваться в построенные свободной волей отношения сторон.

При исполнении обязательства у третьего лица и кредитора не возникает, по общему правилу, обязательственной связи, но при этом кредитору помимо его воли приходится иметь дело с третьим лицом, а не с должником. Неправомерное вмешательство также может иметь место в адрес должника, когда он, не возлагая обязанность по исполнению на третье лицо, должен нести последствия такого исполнения, не всегда выгодные для должника.

Поэтому, на первый взгляд, если соотнести подобное нормативное регулирование с таким важнейшим принципом цивилистики, как недопустимость произвольного вмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК

РФ), исполнение обязательства третьим лицом будет вступать с ним в противоречие. Однако при соблюдении всех предусмотренных законом и соглашением сторон ограничений и установленных требований, исполнение третьим лицом может быть возможным [3, с. 72]. Процедура и основания надлежащего исполнения обязательства третьими лицами является крайне сложным и многоаспектным вопросом, который будет более подробно рассмотрен в рамках следующего параграфа.

Таким образом, в рамках гражданско-правового обязательства формируются относительные правоотношения, для которых характерен строго определенный субъектный состав как на управомоченной, так и на обязанной стороне. Поэтому исполнение должно осуществляться в пользу надлежащего субъекта - кредитора и надлежащим субъектом. Исполнение обязательства третьим лицом является допустимым отступление от постулата о том, что обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).

3.2 Иные условия надлежащего исполнения договорных обязательств

Как уже было рассмотрено в предыдущем параграфе, исполнение обязательства требует его исполнения надлежащим субъектом и в пользу надлежащего субъекта. Исключением из данного правила будут случаи исполнения обязательства третьим лицом. Порядок такого исполнения урегулирован ст. 313 ГК РФ. В зависимости от оснований такого исполнения, кредитор может быть обязан или вправе принять исполнение.

По общему правилу, кредитор должен принять исполнение, когда исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо. В данном случае речь идет об особом юридическом факте – возложении со стороны должника на третье лицо, который необходимо отграничивать от перевода долга со всеми его формальными процедурами и последствиями (в

случае перевода долга на смену фигуры предыдущего должника приходит новый должник). Но если возложение отсутствует, законодатель предусматривает некие иные основания, при наличии которых кредитор также будет обязан принять исполнение. Речь идет о наличии просрочки должника в денежном обязательстве и ситуации, при которой третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество.

Сам факт наличия возложения обязывает кредитора принять исполнение, за исключением случая, предусмотренного п. 3 ст. 313 ГК РФ (когда предполагается, что обязательство носит личный характер). Презюмируется, что подобное исполнение никак не влияет на интересы кредитора, в том числе, и с учетом сохранения ответственности за должником в силу ст. 403 ГК РФ. Например, при исполнении денежного обязательства кредитору, по общему правилу, будет индифферентно от кого принять исполнение – он заинтересован лишь в том, чтобы получить его в согласованном размере и с соблюдением сроков [21, с. 438].

Допускается и оформление отдельной договоренности, участниками которой будут выступать кредитор и третье лицо, а ее предметом будет погашение долга последним. Юридической формой, опосредующей указанное соглашение, будет договор:

- об уступке кредитором третьему лицу требования к должнику с оговоркой (о том, что переход требования привязан к внесению цессионарием цены уступаемого права, равной номиналу долга должника);
- о привативной или кумулятивной интерцессии (переводе долга по соглашению кредитора и нового должника) с последующим погашением третьим лицом долга на основании правил ст. 391 ГК РФ.

Но здесь важно заметить, что в подобном случае речь не идет об отношениях, связанных с исполнением обязательства третьими лицами, и норма ст. 313 ГК РФ применению не подлежит. В приведенных примерах

предполагается погашение лицом собственного долга ввиду его перевода, то есть меняется субъектный состав обязательства.

Но в условиях отсутствия возложения обязанности по исполнению обязательства, большие сомнения может вызывать обоснованность несения кредитором обязанности принять. Предполагается, что третье лицо вторгается в обязательственные отношения сторон, что допускается законодателем в ограниченном числе случаев. Закон выделяет два случая, при наличии которых кредитор обязан принять такое исполнение: когда уже наступила просрочка денежного обязательства, и когда третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество. В иных случаях кредитор свободен в решении данного вопроса.

К тому же, несмотря на удобство в использовании, институт исполнения третьим лицом может нарушать права как кредитора, который имел интерес в получении исполнения исключительно от должника, так и не соответствовать интересам должника. Поэтому правовое регулирование указанной сферы должно быть построено с учетом формирования инструментария защиты от злоупотребления правами всеми участниками правоотношений.

При наличии возложения со стороны должника на третье лицо речи о переводе долга не идет, а возложение представляет собой правоотношение между должником и третьим лицом, в котором кредитор обычно не участвует. Как верно подчеркивается в научных исследованиях, обязанность кредитора принять исполнение зависит от наличия юридического факта (возложения), о наступлении которого ему зачастую ничего не известно [21, с. 222]. Получается, что нередко о наличии или отсутствии такого возложения кредитор может только догадываться.

Правоприменитель, в свою очередь, формирует позицию, в силу которой, если исполняемое обязательство носит денежный характер, то кредитор даже не должен проверять наличие возложения, он вправе принять

исполнение даже при отсутствии такого возложения (п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 [48]).

При отсутствии возложения на третье лицо, но, если платеж имел место уже после начала просрочки, в силу п. 2 ст. 313 ГК РФ, кредитор также не вправе отказаться принимать исполнение. До момента просрочки, но в течение срока исполнения, такой обязанности кредитор не несет, но он во всяком случае вправе принять данное исполнение.

Однако более сложное правовое регулирование существует в части обязательств, природа которых не является денежной. Здесь встает вопрос о правомерности принятия кредитором такого обязательства, если вопрос о наличии или отсутствии возложения не был выяснен последним.

Как верно обращает внимание А.А. Громов, «у исполнения, осуществляемого третьим лицом за должника в пользу кредитора, перед которым третье лицо не обязано, должно быть то или иное правовое основание, определяющее цель (каузу) такого исполнения» [21, с. 318]. Поэтому такое возложение всегда должно иметь под собой определенное основание, причем, основание правомерное, не предполагающее злоупотребление правами и совершение недобросовестных действий, всецело направленных на то, чтобы причинить вред той или иной стороне.

Зачастую основанием возложения выступает наличие у третьего лица обязательства перед должником, за счет исполнения которого в пользу кредитора (минуя самого должника) погашается и долг третьего лица перед должником, и долг должника перед кредитором. Удобно обращаться к подобному механизму при однородном характере долга. Это позволяет сократить число операций, повысить оперативность хозяйственного взаимодействия: должник не будет ожидать погашение долга в свой адрес, а сразу перенаправит исполнение в пользу своего кредитора.

Но в основе возложение могут не лежать никакие обязательства третьего лица в пользу должника – первый может своей свободной волей вступить в такого рода отношения, например, по модели договора дарения.

Однако и в таком случае у возникших правоотношений должно быть определенное основание, а третье лицо должно по тем или иным причинам иметь интерес к исполнению обязательства за должника.

Дарственная кауза возложения требует строго следования всем требованиям законодательства по поводу формы дарения, ее основания, допустимости дарения тех или иных объектов или между определенными субъектами. Здесь важно также отметить, что не всякие отношения сторон будут квалифицироваться как дарение: в их основе должно лежать особое намерение третьего лица, связанного с его желанием одарить должника. Если между субъектами хоть и существуют безвозмездные отношения, но нет намерения одаривать должника, а сами отношения преследуют несколько иные цели, то нет оснований для их квалификации в качестве дарения.

Например, безвозмездные отношения соответствующей природы могут возникать между материнской и дочерней компанией, в рамках которой первая, исполняя обязательства второй перед кредитором, одарить дочернюю организацию, очевидно, не намеревается. Такие отношения надлежит квалифицировать как вытекающие из непоименованного гражданско-правового договора, обладающего признаком безвозмездности.

Вопрос о каузе принятия возложения может приобрести серьезное практическое значение не только для определения последствий исполнения в отношениях между должником и третьим лицом, но и для оспаривания действий по исполнению в банкротстве.

Но что касается второго основания, то здесь важно то, что риск утраты прав на имущество также должен сопровождаться неким законным интересом третьего лица. Это усматривается в ситуации, если последующий залогодержатель, испытывая обоснованные опасения в части утраты залога вследствие обращения на предмет залога взыскания предшествующим залогодержателем, может иметь законный интерес выплатить долг должника предшествующему залогодержателю. Близкий пример связан с интересом субарендатора на сохранение в своем пользовании арендованного предмета,

который, очевидно, будет им утрачен в случае расторжения договора между арендодателем и арендатором по основанию непогашения задолженности.

На практике возможно существование большого числа самых разнообразных ситуаций, при которых третье лицо будет признано обладающим законным интересом к погашению долга за должника. Однако этот интерес будет признаваться подлежащим учету только в том случае, если он не будет носить злонамеренный характер, а в его действиях не было бы нарушений прав и интересов сторон обязательственного правоотношения. Во всяком случае, третье лицо должно предоставить достаточные доказательства наличия у него такого интереса. Важно, чтобы интерес был признан или на уровне законодательства, или же получил легитимное признание на уровне правоприменения. Во всяком случае, действия третьего лица должны быть добросовестными.

Исходя из этого, если третье лицо имеет охраняемый законом интерес во вторжении в отношения должника и кредитора в отношении обязательства, которое не носит личный характер, притом, что срок его исполнения наступил или допускается досрочное исполнение, кредитор по общему правилу обязан принять исполнение от третьего лица вне зависимости от возложения. При наличии просрочки кредитор должен принять исполнение [21, с. 318].

Подобное регулирование упростило процедуру интеграции третьего лица в обязательственные отношения при исполнении обязательства. Однако подобные изменения привели одновременно к тому, что исполнение обязательства третьим лицом в случае просрочки фактически трансформировалось в упрощенный механизм принудительного выкупа денежных требований.

Соответственно, такая модель регулирования при ее подобном толковании будет вступать в противоречие с таким базовым постулатом, пронизывающим гражданские правоотношения, как недопустимость произвольного вмешательства в частные дела. Если толковать норму,

предусмотренную абз. 2 п 2 с. 313 ГК РФ буквально, то можно сделать вывод о том, что при сочетании некоторых обстоятельств кредитор может иметь определенный интерес к сохранению обязательственного права как имущественного блага, а не к получению исполнения за счет третьих лиц. Конечно, подобная ситуация является исключительной, но, тем не менее, и в таком случае нет оснований для интервенции в имущественную сферу частного лица без его согласия на этот счет.

Исходя из этого, можно сделать следующий вывод: оборот обязательственных прав требует его легитимации на основе добровольных соглашений. Поэтому существование обязанности кредитора принять денежное исполнение от третьего лица может противоречить имущественным интересам последнего. Это не значит, что всякое погашение долга подобным образом будет вступать в противоречие с правовым порядком, но значит, что в рамках подобных отношений третье лицо должно иметь определенный правовой интерес для подобного вмешательства, и оно не должно очевидно вредить имущественной сфере кредитора, лишая его того, на что он обоснованно рассчитывал при заключении договора с должником.

Определенные уточнения по подобной ситуации приведены в п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54, где содержится указание о том, что «суд может признать переход прав кредитора к третьему лицу несостоявшимся, если установит, что, исполняя обязательство за должника, третье лицо действовало недобросовестно, исключительно с намерением причинить вред кредитору или должнику по этому обязательству» [48].

В данном случае ВС РФ вновь обращает на важнейшее условие всякого надлежащего исполнения обязательства, как добросовестность сторон.

Например, рассматривая один спор, суды принимали во внимание положения ст. 10 ГК РФ, закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [61], а также позиции ВС РФ, приведенной

в абз. 3 п.1 ст. 21 Постановления № 54. По данному делу, кредитор выкупил задолженность у третьего лица после предъявления последним требования об обращении взыскания на имущество, которое ранее принадлежало должнику.

Исходя из этого, суд пришел к выводу о том, что внутригрупповые отношения между обществом «ЯМАЛ-Дизель», должником и иными аффилированными лицами указывают на наличие недобросовестной цели в погашении требований независимого кредитора к должнику и скрытого договора покрытия, что исключает возможность включения данных требований в реестр. Подобная недобросовестность со стороны участников правоотношений явилась основанием для отказа в удовлетворении заявления о включении в реестр требований кредиторов [33]. Однако такие споры крайне сложны для разрешения по причине того, что выявление действительного целеполагания может быть затруднительным.

Еще один важный вопрос связан с уяснением того, вправе ли кредитор принять исполненное в условиях отсутствия возложения данной обязанности должником на третье лицо и оснований, предусмотренных в п. 2 ст. 313 ГК РФ. Важно дать ответ на вопрос, может ли кредитор в случае принятия исполнения в такой ситуации не опасаться предъявления к нему кондикционного иска третьим лицом, и как это скажется на судьбе обязательства должника. Получение кредитором исполнения по неденежному обязательству требует соблюдения особой процедуры. В первую очередь, не ясно в каких случаях кредитор обязан принять данное исполнение, и каким образом он должен установить факт возложения, если он имеет место.

В целом, сведения о наличии возложения могут быть доведены до кредитора как должником, так и третьим лицом. В таком случае, за исключением изъятия, связанного с личным характером обязательства, кредитор должен будет принять исполнение. Возможна и ситуация, когда третье лицо надлежащим образом подтвердит существование у него законного интереса к исполнению обязательства за должника. Однако, по

общему правилу, законные интересы третьего лица зачастую противоречат интересам кредитора, который вступая в обязательственное правоотношение неденежного характера, мог рассчитывать на его исполнение со стороны должника.

Согласно п.3 ст. 313 ГК РФ «кредитор не обязан принимать исполнение, предложенное за должника третьим лицом, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично» [8]. Например, руководствуясь принципом свободы договора, на этапе заключения договора стороны могут договориться о том, что исполнение возможно только лично. Это будет полностью исключать возможности требовать принять исполнение от постороннего субъекта.

Обязанность выполнить обязательство лично может проистекать из существа обязательства, например, заключение договора авторского заказа, предполагающего создание некоего художественного произведения будет исключать возможность исполнения посторонним лицом. То обстоятельство, что исполнение было возложено должником на третье лицо, не изменит природу обязательства. В отношении обязательства, обладающего личной природой, не требуется, чтобы это было прописано именно в соответствующих формулировках в тексте закона, а само понятие личного характера носит субъективный характер, будучи довольно сложным для оценивания.

Суды чаще всего рассматривают обязательства в подобном качестве тогда, когда в основе договора лежит особая значимость личных, профессиональных или творческих качеств конкретного должника. Так, заключая договор на художественное исполнение того или иного произведения, например, творческой поставки с известной актерской труппой, будет необоснованно рассчитывать на то, что кредитор примет исполнение со стороны малоизвестного профессионального коллектива, представленного на замену должником. Но в свою очередь, стороны вполне

свободны и на этапе исполнения обязательства могут отступить от обязательства в части личного характера его исполнения. Так, кредитор может согласовать замену исполнителя. В силу п. 6 ст. 313 ГК РФ «если третье лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника».

По общему правилу, в рамках неденежных обязательств (например, по выполнению работы, оказанию услуги, продажи товаров), качество является его важнейшей характеристикой. Однако буквальное толкование вышеназванной нормы оставляет множество требующих дополнительных разъяснений вопросов. В первую очередь, нужно с достаточной степенью точности определить, несет ли ответственность за исполнение неденежного обязательства сам должник, и если это будет положительный ответ, то о какой ответственности при подобных обстоятельствах будет идти речь.

В п. 6 ст. 313 ГК РФ об ответственности должника речи не идет, поэтому создается представление о том, что ответственность в полном объеме возлагается на упомянутого там субъекта. Однако необходимо помнить о том, что толкование юридических текстов должно носить системный характер.

Поэтому обратимся к ст. 403 ГК РФ, где идет речь уже об ответственности должника за действия третьих лиц: «должник отвечает за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено исполнение, если законом не установлено, что ответственность несет являющееся непосредственным исполнителем третье лицо».

Опять же, толкование данной нормы позволяет прийти к выводу о том, что при наличии возложения должник также будет нести ответственности за дефекты исполнения. Исключением будет ситуация, когда в силу закона ответственность будет нести непосредственный исполнитель. Поэтому

положение п. 6 ст. 313 ГК РФ должно толковаться в системе с другими нормами гражданского законодательства.

Как представляется, в ее текущей редакции, положении п. 6 ст. 313 ГК РФ не соответствует требованиям к правовой определенности законодательного акта. Необходимо привести в соответствие норму с положением ст. 403 ГК РФ. Учитывая вышеназванные выводы, предлагается изложить п. 6 ст. 313 ГК РФ в следующей редакции: «6. Если третье лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором, установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника, за исключением случаев, когда исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо, если иное не установлено законом».

Судебная практика, например, связанная с исполнением договоров страхования, уже сегодня построена на основе данных правил. Например, если станция технического обслуживания выполнила ремонт в качестве страхового возмещения по направлению страховщика, то отвечать за качество произведённого ремонта будет именно последний.

Что касается кредитора, то в его интересах будет привлечение к ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства всех возможных участников. Исходя из этого, он может иметь намерение привлечь к ответственности как должника, так и третье лицо – фактического исполнителя неденежного обязательства.

Однако факт возложения обязанности не влечет возникновение солидарной ответственности третьего лица перед кредитором за качество, так как третье лицо не является и не становится должником кредитора. При возникновении подобной ситуации, инициировать требования кредитор должен, собственно, к своему контрагенту, который в дальнейшем может в порядке регресса потребовать компенсации убытков к третьему лицу, при наличии на этот счет оснований.

По результатам проведенного в третьей главе исследования были сформулированы следующие выводы:

- оборот обязательственных прав требует его легитимации на основе добровольных соглашений. Поэтому существование обязанности кредитора принять денежное исполнение от третьего лица может противоречить имущественным интересам последнего. Это не значит, что всякое погашение долга подобным образом будет вступать в противоречие с правовым порядком, но значит, что в рамках подобных отношений третье лицо должно иметь определенный правовой интерес для подобного вмешательства, и оно не должно очевидно вредить имущественной сфере кредитора, лишая его того, на что он обоснованно рассчитывал при заключении договора с должником;

- что касается исполнения по просроченному денежному обязательству, то кредитор обязан принять исполнение от третьего лица. Период просрочки роли не играет. У кредитора отсутствует законный интерес не принимать исполнение по денежному обязательству, которое уже просрочено, в то время как интересы должника не принимаются во внимание законодателем, так как он не выполнил в срок условия договор;

- предлагается сформулировать критерии недопустимости исполнения обязательства третьим лицом. При отсутствии возложения в части исполнения со стороны должника, во всяком случае надлежит устанавливать законный интерес третьего лица и соизмерять его с интересами должника и кредитора. При выявлении признаков недобросовестного поведения, злоупотребления правами третьим лицом, представляется, что он не имеет права на привлечение к обязательству для его исполнения.

Заключение

По результатам проведенного исследования, были сформулированы следующие выводы.

Договорное обязательство имеет в своем содержании права и обязанности контрагентов, по которым достигнуто соглашение сторон. Стороны, используя такой инструмент, как договор, приспособливают абстрактное право к конкретным общественным отношениям, обеспечивая требуемый индивидуализм правового регулирования, и тем обеспечивая сбалансированный характер интересов.

Договор формирует юридическую связь между сторонами, делая стороны обязанными в отношении друг друга – создавая обязательственное правоотношение. При нормальном же течении правоотношения, договор исполняется посредством следования сторон достигнутой договорённости. Договор служит основной формой возникновения обязательства, а его заключение есть правомерное действие, направленные на достижение презюмируемого согласованного сторонами результата.

Существуют особенности исполнения договора, обусловленные его реальной или консенсуальной природой: если в рамках реальной сделки действие требуется на этапе ее заключения (то есть заключение и исполнение имеет место одномоментно), то в консенсуальной сделке этап исполнения договора составляет его отдельную, обособленную от заключения стадию.

Консенсуальный договор признается заключенным с момента достижения соглашения по существенным условиям (выделяется еще этап вступления договора в силу, но он чаще всего совпадает с его заключением). Это означает, что степень гарантированности прав и интересов сторон заметно ниже, чем существующая в рамках реального договора. Применительно к реальным договорам, договор заключается и исполняется одномоментно, так как соглашение признается достигнутым только после

фактической передачи вещи. Передача имущества дополняет этап заключения, а после признания его заключенным, он является исполненным.

Исполнение договорных обязательств является отдельным этапом развития обязательственного правоотношения сторон. При некоторых обстоятельствах возможно одновременное заключение и исполнение сделки, что верно для всех категорий реальных договоров. В иных случаях необходимо выделение отдельной стадии исполнения заключенного обязательства, которое надлежит осуществлять в соответствии с условиями договорами и положениями законодательства об исполнении обязательства, а также условиях исполнения обязательства могут вытекать из самого существа обязательства или обычаев делового оборота.

Сформулировано понятие исполнения договорных обязательств как особой разновидности юридически значимой деятельности, которая осуществляется сторонами в рамках обязательственного правоотношения, и находит выражение в совершении положительных действий, но иногда в воздержании от совершения каких-либо действий.

Что касается широко распространившихся на сегодняшний день смарт-контрактов, доказано, что в отношении последних процедура их исполнения разительно отличается от классических сделок. Будучи самоисполняемой сделкой, в рамках такого контракта происходит объединение двух феноменов – электронного договора и отдельного способа исполнения обязательства, не требующего участия человека и отдельного его волеизъявления в части исполнения. Понятие смарт-контракта в российском праве отсутствует, хотя оно и необходимо. Полагаем, для устранения правовой неопределенности требуется закрепить термин «автоматизированный (самоисполняемый) договор» в российском законодательстве. Полагаем, что данный термин может быть определён как сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий.

В качестве исполнения договорного обязательства надлежит рассматривать действия, которые определены в конкретном обязательстве. С

точки зрения правовой природы, исполнение может быть совершено различными способами, если это предусмотрено в законе или в договоре. Важно лишь то, что исполнение обязательства порождает его прекращение в соответствие с его условиями. Единство этого признака не дает оснований сводить все подобные действия к одной разновидности юридических фактов.

Полагаем, что распорядительный договор есть сделка, направленная на возникновение вещно-правовых последствий, связанных с переходом абсолютных прав на тот или иной объект, являющийся предметом соответствующей вещной сделки. В рамках реализации собственных дискреционных полномочий законодатель может признать наличие вещного договора как особой договорной разновидности и закрепить его в своей правовой системе, или отказаться от указанного конструкта, иначе разрешив вопрос по поводу правовой природы передачи вещи, включив ее в структуру обязательственного договора, или выведя за его пределы, но не наделив статусом самостоятельного соглашения (например, признав действия по исполнению обязательства юридическим фактом).

Полагаем, что распорядительная сделка имеет право на существование в российской правовой системе. Но будучи способом исполнения обязательства, такого рода сделка может также сосуществовать в роли самостоятельной договорной формы, не имея под собой отдельного основания в виде обязательства (например, уступка права требования). Тогда сделка будет порождать вещно-правовой эффект сама по себе, без связи с каким-либо другим договором. Поэтому с точки зрения правовой природы распорядительная сделка может быть сведена к способу исполнения обязательства.

Однако природа сделки как исполнения договора верна не для всех категорий обязательств. Полагаем, что в их основе должен лежать переход вещных прав на соответствующий объект. Сделки же, в основе которых лежит иная направленность, будут исполняться иначе, что потребует

формулирования позиции относительно соответствующей их особенностям природы исполнения.

Принцип надлежащего исполнения обязательства носит комплексный характер, а входящие в него условия отличаются в зависимости от договоренности, существа обязательства, обычаев и прочих играющих роль обстоятельств. Исполнение признается надлежащим, если оно осуществлено в соответствии с требованиями законодательства и соглашения в отношении должника, кредитора, предмета, сроков, места и способа исполнения.

Надлежащее исполнение обязательства предполагает добросовестные действия (или бездействия) должника, что лежит в основе принципа надлежащего исполнения обязательства. Важнейшим условие признания исполнения надлежащим выступает добросовестность должника. Недобросовестность при исполнении обязательства не позволяет оценивать поведение стороны как отвечающее принципу надлежащего исполнения.

На сегодняшний день выделение в самостоятельном статусе принципа экономичности исполнения обязательства не является общепризнанным. Правила, касающиеся экономичности исполнения, существуют в отношении некоторых обязательств, однако, более распространены представления о том, что экономичность есть проявление частного регулирования в обязательственном праве, представляющее собой проявление принципов разумности и добросовестности. Полагаем, что подобный подход может иметь право на существование, так как концепция экономичного исполнения может, действительно, конкретизировать содержание принципа добросовестности. Тем самым, на сегодняшний день выделение в самостоятельном статусе принципа экономичности исполнения обязательства не является общепризнанным. Правила, касающиеся экономичности исполнения, существуют в отношении некоторых обязательств, однако, более распространены представления о том, что экономичность есть проявление частного регулирования в обязательственном праве, представляющее собой проявление принципов разумности и добросовестности. Полагаем, что

подобный подход может иметь право на существование, так как концепция экономического исполнения может, действительно, конкретизировать содержание принципа добросовестности.

Полагаем, что принцип содействия сторон заключается в формировании на взаимной основе сторонами обязательственного правоотношения условий, которые были бы благоприятны для исполнения другими участниками своих обязанностей.

Полагаем, что по вопросу об информационном сопровождении и его соотношении с принципом содействия возможно существование нескольких ситуаций:

- обязанность представлять информационное сопровождение может носить основной характер, и тогда она будет поглощаться принципом надлежащего исполнения (в подобном статусе получение, обобщение информации будет являться будет рассматриваться как ожидаемый результат от выполнения обязательства);
- такого рода обязанность может находиться в непосредственной связи с исполнением и подпадать под действие принципа добросовестности;
- информационное сопровождение может лишь опосредованно касаться сделки (в ситуации кредитором сведений должнику о наиболее выгодном способе доставки товара). В таком случае отказ от предоставления информации не будет иметь последствий с точки зрения права.

Поскольку с точки зрения своей природы, астрент прослеживает близость со способами защиты прав и положениями об ответственности и применяется только в том случае, если уже допущено нарушение обязательства, место его расположения в тексте законодательного акта не соответствует его юридической природе. Поэтому, как представляется, институт астрента надлежит урегулировать в гл. 25 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение обязательств.

Предлагается унифицировать правила по поводу исполнения обязательства в натуре для обеих ситуаций, сведя п. 1 и п. 2 ст. 396 ГК РФ к единому положению следующего содержания:

«Возмещение убытков и уплата неустойки в случае нарушения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре, кроме случаев, предусмотренных законом или договором, либо когда из характера возмещенных убытков и уплаченной неустойки явствует намерение сторон прекратить обязательство».

Отмечается, что при исполнении обязательства у третьего лица и кредитора не возникает, по общему правилу, обязательственной связи, но при этом кредитору помимо его воли приходится иметь дело с третьим лицом, а не с должником. Неправомерное вмешательство также может иметь место в адрес должника, когда он, не возлагая обязанность по исполнению на третье лицо, должен нести последствия такого исполнения, не всегда выгодные для должника.

Поэтому, на первый взгляд, если соотнести подобное нормативное регулирование с таким важнейшим принципом цивилистики, как недопустимость произвольного вмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ), исполнение обязательства третьим лицом будет вступать с ним в противоречие. Однако при соблюдении всех предусмотренных законом и соглашением сторон ограничений и установленных требований, исполнение третьим лицом может быть возможным.

Оборот обязательственных прав требует его легитимации на основе добровольных соглашений. Поэтому существование обязанности кредитора принять денежное исполнение от третьего лица может противоречить имущественным интересам последнего. Это не значит, что всякое погашение долга подобным образом будет вступать в противоречие с правовым порядком, но значит, что в рамках подобных отношений третье лицо должно иметь определенный правовой интерес для подобного вмешательства, и оно не должно очевидно вредить имущественной сфере кредитора, лишая его

того, на что он обоснованно рассчитывал при заключении договора с должником.

Сформулированы критерии недопустимости исполнения обязательства третьим лицом. При отсутствии возложения в части исполнения со стороны должника, во всяком случае надлежит устанавливать законный интерес третьего лица и соизмерять его с интересами должника и кредитора. При выявлении признаков недобросовестного поведения, злоупотребления правами третьим лицом, представляется, что он не имеет права на привлечение к обязательству для его исполнения.

Предлагается уточнить основания для возложения ответственности на третьего лица в случае исполнения им обязанности должника, изложив п. 6 ст. 313 ГК РФ в следующей редакции: «6. Если третье лицо исполнило обязанность должника, не являющуюся денежной, оно несет перед кредитором установленную для данного обязательства ответственность за недостатки исполнения вместо должника, за исключением случаев, когда исполнение обязательства возложено должником на указанное третье лицо, если иное не установлено законом».

Список используемой литературы и используемых источников

вакян, А.Н. Понятие «договор» в гражданском праве и законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 53-58.

елов, В.А. Обязательственное право : учебное пособие для вузов / В.А. Белов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 425 с.

ершицкий, Э.Е. Оценочные ограничения сингулярного правопреемства в обязательственных правах на стороне кредитора: в поисках критериев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 2. С. 50

рагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В. В. Витрянский. М: Статут, 2020. – 565 с.

арул, П.А. Распорядительные сделки // Сборник научных статей в честь 60-летия Е.А. Крашенинникова: сб. науч. ст. / отв. ред. П.А. Варул; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2011. 565 с.

6. Василевская Л.Ю. Вещные сделки по германскому праву: методология гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. – 233 с.

7. Волос А.А. Экономичность исполнения обязательства: вопросы теории и практики // Юрист. 2016. № 18. С. 42, 46

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

10. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, Т.Ю. Баришпольская и др.; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023. 515 с.

11. Груздев, В.В. Автономное гражданско-правовое регулирование. дисс. докт. юрид. наук. Курск. 2022. – 288 с.
12. Груздев, В.В. Реальное исполнение обязательства // Право и экономика. 2024. № 4. С. 13 - 19.
13. Егоров, А.В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 6. С. 89 - 101.
14. Ефимова, Л.Г., Михеева, И.Е., Чуб, Д.В. Процессуальные аспекты использования смарт-контрактов в гражданском обороте по праву России и зарубежных стран // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 235-241.
15. Ефимов, А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. Москва: Проспект, 2024. 376 с.
16. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. ст. 140.
17. Захаркина, А.В. Надлежащее исполнение сложных обязательств в условиях цифровизации общества / под ред. О.А. Кузнецовой // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 233 - 240.
18. Зенин, И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов / И.А. Зенин. — 20-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 526 с.
19. Иванов, А.С. История становления и развития принципа свободы договора в Римской империи // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 2. С. 117-123.
20. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: «Юридическая литература», 1975. С. 43
21. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1496 с.

22. Казанцев М.Ф. Проблема вещных договоров в контексте предмета гражданско-правового договорного регулирования // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. 657 с.

Кархция, А.М. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий. дисс. докт. юрид наук / А.М. Кархция. Москва. 2019. 322 с.

Ашуба Е.С. О восприятии распорядительных сделок в российской судебной практике // Право и экономика. 2023. № 7. С. 44 – 52.

25. Кланца Р.А. К вопросу о правовой природе юридических поступков и их месте в системе юридических фактов // Экономика и социум. 2020. № 3. С. 622 – 632.

26. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

27. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. М.: Госюриздат, 1958. — 183 с.

28. Курс гражданского права. Введение. Т. 1: Вып. 1-2. Шершеневич Г.Ф. Казань: Типо-лит. Имп. Казан.ун-та, 1901. — 453 с.

Сейер, Д.И. Русское гражданское право: В 2 ч. Москва: Изд-во Норма, 1997. Ч. 2. С. 155 - 157, 170.

Ирошников, И.Ю. Правовая природа судебной неустойки (астрент) // Общество и цивилизация. 2023. Т.5 № 2. С. 115-123.

Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.10.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. январь, 2024.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. Апрель. 2020.

33. Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2023 N 304-ЭС23-16772 по делу № А70-16222/2021 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

34. Определение Верховного Суда РФ от 27.08.2024 № 304-ЭС24-14653 по делу № А46-11898/2023 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

35. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 N 95-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «АКБ «Первый инвестиционный» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.10.2024 № 5-КГ24-107-К2 (УИД 77RS0016-02-2022-000873-88) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2023 № 305-ЭС22-27168 по делу № А40-192842/2021 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

38. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2025 № 88-2197/2025 (УИД 78RS0005-01-2023-008450-97) [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

сипян, Б.А. Правовое значение действия доброй совести человека // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 10-18.

40. Остапова, Е.А. Разделение сделок на обязательственные и распорядительные: перспективы законодательного закрепления // Ученые записки Крымского федерального университета имени Вернадского В. И.. Юридические науки. 2021. Т.7. № 4. С. 272-279.

41. Письмо Роспотребнадзора от 05.05.2015 «О вступающих в силу 1 июня 2015 года изменениях в Гражданский кодекс Российской Федерации».

[Электронный ресурс]. URL: <http://rospotrebnadzor.ru> (Дата обращения: 05.03.2025).

42. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права: В 3 т. / Под ред. В.А. Томсинова. Москва: Норма, 2003. Т. 3. – 456 с.

43. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.07.2023 по делу № А70-8529/2023 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

44. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.03.2023 по делу № А12-10440/2022. [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

45. Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.01.2021 по делу № А63-19863/2018[Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

46. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2022 № 324645/ 2022 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 04.04.2016.

48. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательства» // Российская газета. № 136. 25.06.2020.

50. Разумовская, Е.В. Договорное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / Разумовская Е. В. . М.: Издательство Юрайт, 2023. – 564 с.

51. Рожкова, М.А. Юридические факты в гражданском праве // Хозяйство и право. 2006. № 7 (Приложение)). С.27-32.

52. Романец, Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография / Ю.В. Романец. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с.

53. Русских, М.А. Пекшев, А.В. Правовая сущность договора дарения как вещного договора // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4. С. 496-503.

54. Савельев, А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32 - 60.

55. Савиньи Ф.К. Обязательственное право / Пер. с нем. В. Фуке, Н. Мандро. М., 1876. XXXVIII. 580 с.

56. Сарбаш, С.В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). Москва: М-Логос, 2022. 464 с.

57. Сенотрусова, Е.М. О понятии и соотношении принципов надлежащего и реального исполнения гражданско-правовых обязательств. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. Т. 6. № 2. С. 154–162.

58. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве. М: Статут, 2023. 894 с.

59. Суханов Е.А. Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. 675 с.

60. Толкачев, А.Ю., Жужжалов, М.Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 9. С. 91-99.

61. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) (с

изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

62. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 22.06.2024) «О потребительском кредите (займе)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. № 289. 2013.

63. Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

64. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 60. 20.03.2019.

65. Цыбуленко З.И. Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1991. С. 5 - 6.

66. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Статут, 2005. 675 с.

67. Шибеева Ю.В. Приобретение права собственности по договору: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 24 с.

68. Baur F., Stürner R. Op. cit. § 64 (Rn. 151).

69. Bekker, System des heutigen Pandektenrechts 2 (1889), 11, 43f., 54 ff.

70. Savigny F. K. von. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. 1. Berlin: Veit, 1840. – L, 429 S.

71. Wieling H. Abstraktionsprinzip für Europa. Zeitschrift für Europäisches Privatrecht (ZEuP) 2001, 301.

72. Hartmann G. Ueber den rechtlichen Begriff des Geldes und den Inhalt von Geldschulden. – Braunschweig: Verlag der Hofbuchhandlung von Eduard Leibrock, 1868. SS. 45 – 46.